

Литрес

ГРИГОРИЙ
ШАРГОРОДСКИЙ

ОЦЕНЩИК
ОДНОРАЗОВЫЙ КУМИР

Григорий Константинович Шаргородский

Оценщик. Одноразовый кумир

Серия «Оценщик», книга 3

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69855163

Аннотация

Кто не хотел бы стать популярным? Как ни странно, таких скромников полно. К примеру, я. Конечно, круто быть известным, но, когда от тебя фанатеют и те, кто тебе нравится, и те, кто не очень, это уж не так приятно. Ну а когда судьба по совершенно непонятным причинам делает тебя кумиром сотен тысяч разумных особей разных рас, тут уже не до радости и тем более не до тщеславия. В магической Женеве ничего не происходит просто так. Поэтому, чем раньше поймешь, по чьей воле на твою голову свалилось столько «счастья» и кто именно скрывается за маской «судьбы», тем больше шансов уцелеть. Так что первое, что нужно сделать новенькой «звезде», так это начать почаще оглядываться, держать под рукой щитовик и прикупить револьвер орочьего калибра.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	15
Глава 1	15
Глава 2	40
Глава 3	74
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Григорий Шаргородский

Оценщик

Одноразовый кумир

Пролог

Ииэтон Хоос Туу – Туман, стелющийся над озером, – смотрел на густо покрытые деревьями горы, но созерцание Изумрудного леса уже не вызывало в его душе прежнего отклика, спокойствия и надежности. Лес был осквернен, и теперь там хозяйничали низшие расы. Еще несколько рассветов назад это казалось невозможным, но рано или поздно все заканчивается, даже вечность. Бывшие владыки Изумрудного леса сейчас властвовали только этой цитаделью, и отступить им было некуда.

Сам Туман не был фанатиком. Для Изменяющего жизнь религиозные догмы Непримиримых ничего не значили. Изменяющие в своем стремлении к совершенству достигали уровня если не богов, то высших существ и на окружающий мир смотрели ясно и с пониманием сути бытия. Честно говоря, в ряды Непримиримых Тумана привело совсем не ощущение исключительности собственной расы и тем более не желание вернуть младшие народы на уготованное им бо-

гами место в рабских загонах. Мало того, Туман, в отличие от многих соплеменников, не считал, что младшие расы вообще были созданы мудрыми предками. Он, как приложивший свой дар и разум к сотворению множества видов боевых существ, прекрасно понимал, что появление разумных рас, да еще и обладающих магическими способностями, можно объяснить лишь божественной волей. Обычным разумным под силу производство лишь вот таких, пусть грозных, опасных, но все же скорбных разумом созданий.

Словно услышав мысли господина, ууш-ха зашипел, пригибая голову к площадке сторожевой башни, но его наполненная зубами пасть была сомкнута, а в полуприкрытых бронированными веками глазах не было ни капли ярости – только покорность воле хозяина. В этом-то и смысл: на подобную верность способны питомцы, но не разумные существа.

На самом деле Тумана к Непримиримым привел именно здравый взгляд на мироздание и понимание законов жизни. Что бы ни говорили пошедшие на примирение с младшими расами соплеменники, все разумные существа в определенной степени все же остаются животными, и каким бы высоким интеллектом они не обладали, всегда на инстинктивном уровне будут заботиться о собственном потомстве и отвоевывать для оногo каждый свободный клочок жизненного пространства. Так что двум – и тем более трем – разумным расам не ужиться на одной планете. Если честно, Туман считал благом и Договор Свободы, и подкрепление его Ве-

ликим проклятием, которое исключало любую возможность рабского подчинения одной разумной расы другой. Ведь теперь терялась надежда на возрождение старых порядков, и остается лишь жесткий естественный отбор. Выживет сильнейший. Туман начал сомневаться, что это будут именно его сородичи.

Непримиримые слишком долго не могли прийти к общему решению – либо как-то преодолевать Великое проклятие, чтобы вновь вернуть младшие расы в благостное рабство, либо уничтожить их всех раз и навсегда. Споры затянулась, и стало поздно: младшие смогли найти себе союзников за гранью мира. В результате в родной сердцу Тумана Изумрудный лес вошли воины низших рас с оружием из другого измерения, и вечные защитники чащоб умирали одни за другим.

Впрочем, все это уже не имеет никакого значения. Младшие все равно опоздали. За спиной Тумана кумир уже вошел в пирамидальный храм, а собравшийся во дворе молодежь всех населивших этот мир рас заголосил в экстатическом приступе бескрайней любви к своему идолу.

Ииэтон Хоос Туу вновь перевел взгляд на лес. Когда-то один из величайших поэтов его расы сказал, что любовь спасет мир. Он был неправ: именно любовь этот мир уничтожит. И не только этот.

Вдали утробно ухнуло и частым тамтамом застучали хлесткие звуки. Звуки, которых этот лес не слышал никогда.
– Ашш, – прошипел Туман.

С нетерпением ждавший этой команды ууш-ха яростно застрекотал и взвился со стены в небо. За ним из окружающих цитадель зарослей поднялись десятки таких же летающих убийц.

Проследив за их полетом, Туман сам спрыгнул со стены и, обнажив изогнутые клинки, словно тень заскользил в сумраке леса. Уйти из этого мира он хотел не как ученый и тем более религиозный фанатик, а как высший хищник: на охоте, вцепившись в глотку своей последней жертве.

* * *

Исав Буян обреченно закатил глаза, когда его опять хлестнуло по морде тугой веткой. Вообще-то Буяном он был для друзей, а для всех остальных, включая идущего впереди громадного зеленокожего уroda, наверняка специально подстроившего встречу ветки с мордой молодого гоблина, являлся уважаемым инструктором фор Исавом. Впрочем, правила Женевы для лесных орков старого мира ничего не значили, как и его статус инструктора. Обидно, конечно, но терпеть можно. А вот ор Сервуса его лесные собратья уважали. Да и как тут не заважаешь здоровяка в кожаном плаще, в шикарной шляпе и с револьвером, чей калибр вряд ли уступал калибру американского станкового пулемета М2, лежащего на плече женевского орка. Хотя это для людей он был станковым, а для Сервуса вполне себе ручным. Почти поло-

вина из сотни окружавших лесных орков была экипирована почти так же, как и его громадный коллега. Почти – в том смысле, что у каждого был пулемет. И это единственное, что у них было общего. Одеты лесные орки в бомжеватого вида набедренные повязки, а из оружия кроме пулеметов имели лишь кремневые, иногда бронзовые кинжалы. В общем, дикари дикарями. Взгляд гоблина буквально отдыхал, натываясь на привычную фигуру в плаще и шляпе. В остальном все было необычно, непривычно и до жути раздражающие.

Исав с содроганием вспоминал почти два месяца путешествия по прародине, наполненные бытовыми неудобствами и выматывающими тренировками с местными дикарями. Поначалу молодой гоблин вообще был уверен, что у них ничего не получится и никогда эти зеленые имбецилы не поймут, чем отличается пулемет от дубины, но спокойная уверенность в своих силах и железная воля женевского орка дали свои плоды. Вот уже три дня они продвигаются сквозь заросли Изумрудного леса с уверенностью и монотонностью бульдозера, и ничто не могло их остановить. Это, конечно, наполняло молодого гоблина чувством боевой общности с отрядом, но при этом он окончательно понял, что между ними была, есть и останется огромная пропасть.

Когда-то Исав наивно полагал, что никогда не сможет до конца понять человеческую натуру и всегда будет чужим на Земле и что нужно было попасть в Старый мир, чтобы понять: он не просто женевский гоблин, а землянин до моз-

га костей. Ну а как могло быть иначе, если он рос на голливудских фильмах и большую часть времени даже думал на французском. Так что желание оказаться на болотах мифической прародины очень быстро сменилось жаждой вернуться в родную Женеvu к круассанам, пище и очередной серии «Йеллоустоуна».

Погрузившийся в свои мысли, гоблин внезапно замер и настороженно присел. Нет, выходить из прямоходящей трансформации он не стал, да и в земном камуфляже делать это не совсем удобно. К тому же скакать по деревьям в боевом угаре от него вовсе не требовалось. Он здесь совершенно для другого. Сразу после отбрасывания хвоста жрецы определили ему путь прорицателя. Позже, осознав себя как личность, он не только принял библейское имя Исав, но и выбрал стезю боевого пророка, которая привела юного гоблина в дебри Старого мира.

– Ханкар! – заорал он на низшем эльфийском и постарался укрыться за широкой спиной орка, еще пару секунд назад бесившего его одним фактом своего существования.

А вот сами зеленокожие ребята никуда прятаться не стали. Они моментально образовали боевой периметр, ошестинившись стволами крупнокалиберных пулеметов. Внутри построения расположились носильщики, тащившие на себе ящики с боеприпасами, ну, и с кое-какими другими сюрпризами, которые специально обученные орки тут же начали распаковывать.

Места для действия группы было вполне достаточно. Это вам не Диколесье, заросшее дикой лианой, которая имела повадки злобного хищника. Впрочем, сами женевские эльфы признавали, что, сотворив эти хищные заросли, они слегка погорячились. Очень уж их выбесили беспардонные действия французов.

Вся штурмовая группа, состоящая их сотни орков и дюжины гоблинов, напряженно замерла. Прошла секунда, затем другая, и стоявший неподалеку вождь недовольно посмотрел на странного гоблина.

– Чего пялишься? – на орочьем зарычал Исав и добавил, для убедительности ткнув пальцем в сторону леса: – Туда смотри.

Еще через мгновение орочий вождь сам понял, что напрасно сомневался в способностях гоблина.

Существо, похожее на бронированного льва размером с быка, несмотря на увеличение габаритов, кошачьей ловкости не потеряло и подобралось к их отряду практически бесшумно. А затем сделало рывок. Казалось бы, несмотря на предупреждение гоблина, случись беда – и монстр окажется внутри защитного периметра, а там уже никакие пулеметы не помогут; но находившийся под защитой пулеметчиков шаман орков что-то запел, крутанулся вокруг своей оси, и резкий порыв ветра, пронесшийся над присевшими орками, отбросил монстра немного назад. Ни магия чародеев, ни тотемные духи орков не смогли бы повлиять на серьезно усовер-

шенствованного стараниями эльфов монстра, но разогнанная духом масса воздуха все же сбила его атакующий напор, дав вооруженным оркам бесценные пару секунд. За это время они наспиговали зверя пулями, как хорошая хозяйка кусок мяса ароматным чесноком. Эльфы, конечно, защитили своих питомцев почти от всех невзгод, но двенадцатый калибр и пятидесятиграммовые пули в данных условиях – самая настоящая имба.

Несмотря на то, что Исав немного струхнул, о своих обязанностях он не забывал и поэтому атаку гарпий не пропустил. На краю сознания лишь мелькнула мысль, что он опять использовал не термины Старого мира, а прибег к ассоциациям из земного фольклора. Отдаленно похожие на птеродактилей с короткой мордой тираннозавра крылатые существа все же долетели до защитного построения отряда, но в основном в мертвом состоянии, потому что в качестве зениток пулемет М2 был вообще вне конкуренции. Правда, в последних корчах некоторые сумели зацепить нескольких орков и размазали тонким слоем одного из родичей Исава. Точнее, одного из очень дальних родичей, которых он считал дикарями, но все равно неприятно. И вроде можно было бы расслабиться, но боевой прорицатель вновь ощутил волну угрозы, причем такого уровня, что теперь обратился напрямую к своему коллеге орку.

– Сервус! Граната!

С этим делом в их маленьком войске было намного ху-

же, чем с пулеметами. Гранатометы никто из местных орков освоить так и не смог, поэтому Сервусу пришлось отдуваться самому. Зато он обзавелся тремя очень шустрыми и исполнительными, особенно после показательного мордобоя, помощниками. Один из них тут же перехватил все еще горячий после стрельбы пулемет, а второй так же оперативно поднес женовскому орку здоровенную трубу. Гранатометы выбирали по принципу «чем больше, тем лучше», так что массивная граната, вылетевшая из раструба, без особых проблем глубоко воткнулась в непонятную гору из переплетения корней, веток и еще непонятно чего, а затем местный энт просто выгорел изнутри. Всего пару секунд назад бывшее живым и очень могущественным гигантское существо, способное растоптать войско в десять раз больше, чем то, что рвалось к сердцу Изумрудного леса, навеки застыло монументом самому себе. Причем таким большим, что, продвигаясь дальше, им пришлось огибать его по широкой дуге.

Затем было еще несколько стычек, во время которых сильно напрячься пришлось только раз, убивая невероятно шустрого эльфа, утащившего с собой в ад троих зеленокожих воинов. И вот их отряд наконец-то добрался до стены эльфийской цитадели.

И опять же, непреодолимой преградой эта стена являлась при старых раскладах, а сейчас дело поменялось кардинально. Перед ними было всего лишь дерево, пусть и укрепленное, но все же не камень, так что еще один выстрел из грана-

томета проделал там здоровенную дыру, в которую и рванули орки, все еще державшие пулеметы то ли как копыя, то ли как вообще дубины. Хорошо хоть, не забывали стрелять из них, а не били врага по головам прикладами. Впрочем, в этот раз ни в кого стрелять не понадобилось. Ворвавшиеся в цитадель зеленокожие воины пораженно замерли, и было от чего. Весь внутренний двор был завален мертвыми телами, причем не только эльфийскими, хватало здесь и орков, и даже гоблинов. Исав склонился над неживым представителем собственной расы и понял, что это очень юный гоблин, причем никто его не убивал, а он сам вскрыл себе глотку зазубренным костяным ножом. Это сцена массового самоубийства, конечно же, шокировала женевца, но при этом его пытливый ум и дар предсказателя намекали, что тут есть еще что-то очень важное, ускользающее от его понимания. Хрустнув суставами, гоблин трансформировался и, встав на четыре конечности, резко прыгнул, уподобившись кузнечику. В два касания он взлетел на смотровую башню. Вид сверху показал, что предчувствия не обманули его. Тела были разбросаны по периметру внутреннего двора, но середина оказалась пустой. Мало того, гоблина не отпускало ощущение, что еще несколько минут назад посередине огромной площадки находилось нечто с квадратным основанием. Казалось, что некий великий волшебник перенес неизвестное здание в неведомые дали, оставив лишь углубление фундамента.

– Что же, бездна вас поглотит, здесь произошло? – по-

французски прошептал гоблин.

Часть первая

Глава 1

Вечер мягкими лапами сгустившихся и удлинившихся теней укутывал набережную Роны в бархатное одеяло сумрака. Покрывшиеся первым листками заросли орешника, которые создавали ощущение дикости практически в центре Женевы, были слегка облагорожены, оставляя на берегу небольшое пространство для парочки лавочек. Не забыли устроители интимного пространства и о небольшом ограждении, чтобы расшалившимся влюбленным не пришло в голову нырнуть в серо-голубые, все еще сохранявшие расслоение, воды широкой реки. Купаться здесь было противопоказано практически всем. Если в Женевском озере, надев специальный амулет, можно было поплавать среди взрослых русалок, то здесь молодняк имел повадки злобных пираний, а то и похуже. Так что купаться тут я точно не буду. В это место меня привела ностальгия. Дело в том, что пару месяцев назад исчезла Фа. Поначалу я даже не заметил пропажи фуки, но печальный Тик-так настолько заполнил мой дом эманациями тоски, что я не выдержал и напрямую спросил у мышоура, что случилось. В ответ на мой телефон пришло сообщение: «Фа ушла».

Куда и зачем ушла летающая фейка, я сначала не совсем понял, но сразу догадался, когда печальный малыш сделал лапками движения словно плывет.

– На перерождение? – уточнил я.

Мышоур кивнул и грустно вздохнул. Он еще толком не определился, как ему удобнее доносить до меня свои мысли – писать сообщения, используя сложные коды, или же изображать из себя мима. Порой обмен информацией между нами был похож на игру в крокодила.

Новость была не то чтобы совсем трагической, но и радости мне не принесла. Похоже, я перестарался в кормежке фуки Живой силой и она сделала очередной шаг на своем пути к совершенству. Теперь, пройдя через состояние куколки и став русалкой, Фа перейдет с энергетической диеты на мясную, будет отъедаться плотью водных существ, да и себе подобных тоже. Каннибализм среди русалок дело обычное. Впрочем, при случае эти милые создания могли перекусить и свалившимся в воду разумным, так что ограждение в этом тихом и казавшемся благостным уголке организовано не просто так.

Еще немного посидев на лавочке, я встал и достал из пакета несколько кусков сырой говядины. Напитал их Живой силой из своего запаса и бросил в реку. Довольно спокойная, затронутая лишь плавными вихрями смешивающейся воды поверхность Роны вдруг забурлила, словно вскипев, и на мое подношение накинулись десятки юрких маленьких тел, по-

хожих на человеческих младенцев с рыбьими хвостами. Сам не понимаю, зачем это делаю, ведь по уверениям многих специалистов и без того не особо умные фуки во время трансформации теряют любые воспоминания о прошлой ипостаси. Бурление прекратилось, мое подношение было мгновенно сожрано, но никто не вынырнул и не помахал мне ручкой.

– Это реально тупо, – сам себе попенял я, в тон заявлениям Бисквита.

Орк искренне не понимал мотивов моей ностальгии и постоянно то предлагал махнуть на все рукой, то советовал, раз уж я такой извращенец, завести себе еще одну фуки. Странно, но почему-то это предложение вызывало мгновенное отторжение. Как представляю, что придется долгие месяцы воспитывать новое крылатое недоразумение, так сразу и тоска куда-то улетучивается. Но все же время от времени я прихожу на этот берег подумать и поностальгировать в надежде непонятно на что. Шансы, что я когда-нибудь увижу Фа еще раз, ничтожно малы. Из миллиарда спор золотой пыльцы, на которые распалась попавшая в наш мир высшая тысячелетняя фея, до стадии русалки доживает едва ли один процент, а уж в водах Роны и Женевского озера свой жизненный путь заканчивает еще девяносто процентов этих необычных существ.

Поначалу меня очень удивляло то, что, проходя стадии взросления, феи выглядят так, словно вышли из земного фольклора: низшая ипостась – как классическая диснеев-

ская фея, а когда сращивает ноги в хост, то становятся пусть и зверовато-опасным, но довольно аутентичным аналогом Русалочки. Высшие феи вообще практически неотличимы от человеческих девушек анимешного стиля. Бисквит все прояснил, показав мне рисунки фей, выросших в его родном мире. В основном они жили на гоблинских болотах и в стадии фуки были похожи на летающих жаб, а на плотоядном этапе мало чем отличались от гоблинских головастиков. Магические существа не имели генетических оков и мимикрировали под окружающий их мир точно так же, как это делали пришлые в плане названий и своего ментального образа в глазах земных аборигенов. И ведь получилось! На Большой земле уже практически забыли об образах толкиновских гоблинов и орков. Теперь даже в фильмах и играх гоблины отдаленно похожи на жаб, а орки – на здоровенных безволосых горилл с зеленовато-бурой кожей.

Так, стоп, что-то мои мысли опять ускакали куда-то не туда. Я пришел сюда, чтобы еще раз обдумать ситуацию и принять взвешенное решение, а не размышлять об удивительном пути феек от состояния безмозглой фуки до высшей феи, одна из которых пробудила во мне дар оценщика, а с ним у меня сейчас определенные проблемы. Точнее не с самим даром, а с его применением.

Последние четыре месяца показали, что все мои радужные мечты о богатом будущем оказались как минимум дутыми. Да, поначалу все шло хорошо: черный рынок поставлял

клиентов, которым даже не нужны были официальные документы, хватало упоминания на моем сайте. Я вполне обоснованно, по крайней мере, как мне тогда казалось, полагал, что могу плевать с высокой колокольни на профсоюз оценщиков и их грабительские взносы, а также на не менее охреневших чиновников Белого города, требующих за лицензию еще больше. Но реальность внесла свои коррективы. Моя популярность как серого оценщика-нелегала была высокой лишь потому, что дельцам теневого рынка произведений искусства не очень-то хотелось светиться у официальных экспертов. Но сейчас весь этот накопившийся запас нереализованного спроса был исчерпан, и стало понятно, что будущее пусть и не так уж печально, но не настолько радужно, как бы мне того хотелось.

И именно в момент пика моих сомнений пришло сообщение от одного из членов профсоюза оценщиков с приглашением встретиться в спокойной обстановке и попытаться урегулировать сложившиеся разногласия. Хорошо, что это был не тот надменный урод, который явился в мой дом и с ходу начал пояснять, что, кому и сколько я должен. Тон письма был вполне миролюбивым, но тот хам там точно будет. Вот и думай, стоит ли вообще соваться туда, где все может закончиться минимум оскорблениями, а максимум мордобоем. С другой стороны, развиваться нужно, а за профсоюзом десятки галерей и сотни богатых коллекционеров, которые без лицензии не подпустят меня к своим сокровищам и на

пушечный выстрел.

Как говорится, вопрос со звездочкой. Еще раз посмотрев на воды Роны, я вдруг подумал, что где-то там моя Фа сейчас борется за свою жизнь, с практически самоубийственным стремлением к развитию, граничащим с упорством осетра, идущего на нерест. Она хватается за любую возможность, не думая о том, стоит оно того или нет, не заботясь о последствиях.

Ладно, в конце концов, я взрослый человек и в крайнем случае смогу посчитать до десяти, перед тем как посылать это скопище старых маразматиков. Чем черт не шутит, возможно, случится чудо и мне предложат что-нибудь удобоваримое. В конце концов, Женева – волшебный город, и чудеса здесь случаются на каждом шагу. Просто не всегда они приятные и очень часто крайне опасные. Так что не мешало бы прихватить с собой револьвер, но если поймают с огнестрелом в Белом городе, то никакой гоблин, будь он семь раз специальным инспектором, не поможет.

Выходя из уютного закутка на набережной, я через телефон вызвал Убер. Машина прибыла через десять минут и умчала меня к огням Белого города. Вот уж где ночь была бессильна. Казалось, что тамошние жители понятия не имеют, что такое настоящий мрак. Серый город нес на себе отпечаток некой швейцарской провинциальности, пусть и с налетом волшебства, а также безудержного разгула. Оно и понятно: люди, ощутившие себя магами, но отнюдь не вол-

шебниками, топили разочарование в разгуле. В человеюниках это явление принимало пугающий размах. А вот Белый город излучал оптимизм и величие. Он блистал не только волшебными огнями, но и возвышенностью архитектуры. Эльфийские архитекторы вылепили из прозрачного, словно хрусталь, стекла и белой, как яичная скорлупа, субстанции небоскребы, очень похожие на сказочные шпили. Ушастые снобы не признавали апартаментов площадью менее полутысячи квадратных метров, так что жить в Белой Женеве могли только очень богатые люди, ну, и нелюди тоже.

Не скажу, что я чувствовал себя каким-то ущербным, не имея жилплощади в Белом городе, но то, что мое нахождение в центре Женевы больше часа было возможно исключительно из-за бирки внештатного агента жандармерии, все же немного раздражало. Боюсь даже представить, какие чувства посетят меня, доведись попасть на территорию Академии. Если резко контрастирующая с Серым городом Белая Женева имела определенный земной флер: здания напоминали, скажем так, фантазии архитекторов на тему будущего, – то в Академии ректор Поль Жаккар дал ушастым полную волю. По уверениям того же Бисквита, там все практически так же, как в эльфийских городах его родного мира. Придется поверить на слово, потому что мне не то что в другом мире – скорее всего, даже в Академии побывать не светит. Так что остается лишь наблюдать за гигантским шпилем Ледяной иглы с восхищением и с солидного расстояния.

Никакой границы между Белым и Серым гордом не было, и никто не стал выспрашивать меня причины посещения сердца Женевы, но все равно находящийся в кармане жетон начал вызывать раздражение, хотя до этого момента я его не замечал. Как и большинство городов на современной Земле, Белая Женева разделялась на сам город и, так сказать, Сити – сосредоточение полусотни небоскребов в центре. А вокруг них раскинулось пространство, занятое огороженными особняками женевской элиты, как земного, так и неземного происхождения, а также куча всяческих торгово-развлекательных центров. Пару месяцев назад я впервые посетил один из них вместе с гостившим у меня Женькой и Бисквитом. Увлекательное было приключение, но, если честно, увеселительные заведения Серого города мне были ближе: не так дорого и, что самое главное, нет чувства необходимости постоянного контроля своих слов и поступков. Ну а если хочется уйти в загул, то вообще нужно ехать в какой-нибудь из челоуейников. Вот там и нервы можно пощекотать, и оттянуться до съезжания крыши набекрень.

Что-то в последнее время меня начинает тянуть именно на такой вид развлечений. Видно, пружина напряжения слишком сжалась, чтобы прибегать к полумерам.

Вот под эти размышления об особенностях культурного и не очень досуга такси доставило меня в центральную часть Белой Женевы. Практически все первые десять этажей небоскребов Сити были отданы под общественные пространства.

Именно поэтому я считал, что смогу побеседовать с нервными коллегами без эксцессов. Вряд ли они решатся навредить мне, да и я буду сдерживать себя от резких поступков.

Блин, кажется, привычки общения с разномастными бандосами въелись в кожу, как запах помойки в бомжа. Какие могут быть эксцессы с этими древними, тепличными пеньками, которые даже на вызовы не выезжают, предпочитая проводить оценку у себя в офисах и галереях. С другой стороны, именно усилившаяся от жизни в Женеве паранойя уже не раз спасала меня, так что не вижу смысла от нее отказываться.

По указанному в сообщении адресу находилась одна из знаменитых женевских картинных галерей. Она располагалась на третьем этаже небоскреба, куда меня доставил шикарный лифт. Блин, да поставь сюда мебель – получится моя первая съемная квартира, только тут куда круче. К тому же вся эта конструкция наверняка нашпигована кучей артефактов и они точно определили, что никакого оружия и опасных конструктов у меня нет, за исключением щитовика, но он за вооружение не считался. Поэтому неудивительно, что, когда двери лифта открылись, меня встретила не парочка широкоплечих охранников, а тоненькая как тростиночка милостивая девушка с огромными, бездонно-голубыми глазами.

– Bonjour, – поприветствовала меня красавица, и я ощутил приступ симпатии, с трудом продравшийся через защиту стандартного жандармского амулета. Похоже, как и одна

моя знакомая, эта дамочка обладает даром сирены.

– Bonjour, – не стал я лезть в бутылку, хотя даже малейшее ментальное влияние на окружающих считается не то чтобы преступлением, но некой бестактностью.

– Могу я узнать цель вашего визита? – по-французски поинтересовалась хостес галереи, теперь уже точно вызвав у меня короткий приступ раздражения.

Ну конечно же, этот выпавший из лифта нищесброд вряд ли пришел полюбоваться на выставленные здесь произведение искусства, и нужно срочно выяснить, на кой он вообще сюда приперся!

– По приглашению месье Белиньи.

Явно профессионалка своего дела тут же уловила недовольство в моем тоне и состроила умильно-извиняющуюся мордашку:

– Простите, что сразу не узнала вас, месье Петров. Метр Белиньи ждет вас. Позвольте проводить?

Вот зараза такая, выкрутилась! Причем так изящно, что уже и злиться на нее не хотелось. Лишь осадочек остался, так что в ответ я лишь мрачно кивнул. Дамочка, явно намереваясь доставить мне удовольствие своим видом сзади, двинулась вперед походкой то ли балерины, то ли модели. И посмотреть там было на что, но не сейчас. Больше меня интересовала сама галерея.

Антураж, конечно же, впечатлял: высокие потолки и длинные стены создавали впечатление бесконечного про-

странства, не привлекая к себе внимания прямыми линиями и матовостью покрытия. Картины были выставлены не как обычно, при помощи развески на стенах, – они словно зависли в воздухе, давая возможность ценителям не только насладиться самим изображением, но и обойти экспонат по кругу. Не знаю, возможно, это небрежность реставраторов, а может, последний писк моды, но многие полотна и в большей степени рамки выглядели плохо отреставрированными, словно чтобы подчеркнуть тот факт, что эти творения прошли сквозь самую толщу веков. Действительно эффектно, но главной здесь была общая атмосфера. Я подкормил свой дар Живой силой и ощутил потрясающую концентрацию энергии творения. Здесь ею было заполнено все пространство.

Конечно, не каждая картина несла в себе настолько мощный заряд, чтобы получить магические свойства и тем более пробудить псевдосущность, но и обычные полотна излучали энергию творения, подтверждая тот факт, что случайных экспонатов здесь попросту нет.

Когда мы прошли второй зал, я уже практически забыл, зачем пришел сюда, а на филейную часть пытающейся впечатлить меня своей походкой дамочки вообще не смотрел. Мало того, когда мы дошли до очередной двери, она попыталась привлечь мое внимание покашливанием. Я вздрогнул и едва смог сфокусироваться на лице девушки, чем явно задел ее самолюбие.

– Мы почти пришли, – усиленно скрывая свое недоволь-

ство, сказала хостес и открыла дверь.

За ней было еще одно не такое впечатляющее габаритами помещение, скорее всего являющееся конференц-залом, а затем мы попали в стильно обставленный кабинет. Здесь явно поработал хороший дизайнер. Впрочем, чего еще ожидать от кабинета владельца известной арт-галереи. В плане мебели применили какой-то новый подход, потому что рабочий стол был запихнут куда-то в угол к окну, а центральное место занимали несколько диванчиков, расположенных так, чтобы до полутора десятков людей могли, сидя в них, комфортно общаться друг с другом. Сейчас на диванчиках сидели только три человека. Один из них был мне знаком и вызывал не самые приятные эмоции – все то же брезгливо-недовольное выражение на лошадиной физиономии и надменный взгляд. Вторым из поджидавших меня людей был еще один старик. Глубину его возраста по очевидным для женеvских реалий причинам определить было трудно, но выглядел он старше господина Суаре, фамилию которого я вспомнил в последний момент.

Этот старик вел себя явно получше. Взгляд его пусть и был холодным и изучающим, но ни презрения, ни надменности в нем не заметно. Третий персонаж в этой компании резко контрастировал с двумя другими. Первое, что привлекало внимание, это чрезмерная изысканность его костюма, строгостью стиля там не пахло, а вишенкой на торте был большой бутон розы в петличке. Я стараюсь не делать поспешных вы-

водов, но что-то с ним не так. При этом как раз взгляд этого господина никакого негатива не излучал – легкий налет скуки, сквозь которую проглядывал слабый интерес.

– Bonjour, господа, – сказал я, не став затягивать паузу после своего появления. Расфуфыренный ограничился легким кивком и едва заметной улыбкой. Старый знакомец сморщился еще больше, а благообразный старик ответил, при этом сделав приглашающий жест в направлении стоящего напротив него диванчика:

– Bonjour, господин Петров.

Дождавшись, пока я усядусь, хозяин галереи, а это, скорее всего, был именно пригласивший меня месье Белиньи, сразу перешел к делу. Похоже, мое присутствие его не так уж радовало. И вообще, он, скорее всего, устроил эту встречу без особого желания.

– Как я понимаю, ваша встреча с нашим коллегой не задалась и закончилась неконструктивно, но вы не можете не понимать, что в любом деле должен быть порядок. А он уже сложился и принят всеми участниками игры. Кажется, у вас на родине говорят, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

– Есть такая пословица, – не стал я спорить, но тут же добавил: – Я и не собирался лезть в ваш монастырь со своими правилами, но мой случай немного иной. Подробности рассказать не могу, поверьте, вам оно не нужно. Именно поэтому, получив дар, я не пошел к вам, а занял ту нишу, которая

освободилась из-за гибели моего предшественника, и соби-
рался сидеть в ней, не особо высовываясь. Но ко мне явился
ваш товарищ и начал выдвигать совершенно несуразные тре-
бования. Я понимаю, что в любой структуре новичкам всегда
подрезают крылья, а порой их откровенно грабят, пользуясь
положением. Не уверен, что, окажись я в вашем профсоюзе,
мне бы это понравилось, но вы правы, правила есть правила.
Впрочем, не вижу смысла спорить по этому поводу, я в ваш
профсоюзный кружок вступать не собираюсь. Просто не ви-
жу в этом необходимости.

Если честно, посмотрев на галерею, через которую меня
наверняка провели именно для того, чтобы вызвать опреде-
ленные мысли, я уже не был так уверен, что не хочу в их ком-
пашку жирных котов, но мое упрямство, иногда доходившее
до уровня ослиного, не давало просто так прогнуться.

– И все же вы находитесь на нашей территории и затраги-
ваете наши интересы, – по-прежнему с холодной вежливо-
стью пытался гнуть свою линию месье Белиньи.

– С чего бы это? – выразил я фальшивое удивление. – Мне
казалось, что я подбираю именно тех клиентов, с которы-
ми вы не хотите работать в силу то ли брезгливости, то ли
чрезмерной осторожности. Что же касается упомянутых ва-
ми монастырских уставов, то о них я равным счетом ничего
не знаю.

– Незнание законов не освобождает от ответственности, –
тут же вставил свои пять копеек Суаре, и его лошадиная мор-

да стала совсем уж неприятной.

Блин, как же не хочется переводить общение в более агрессивную форму, но этот мерин меня достал.

– С каких это пор правила, принятые небольшой группой частных лиц, и устав чисто коммерческой структуры стали законом?

Суаре надулся как жаба, но возразить мне не успел.

– Значит, мы не договоримся? – уточнил месье Белиньи.

– Если к условиям, высказанным ранее вашим вспылчивым подельником, вы ничего нового не добавите, то да, не договоримся, – не стал я отрицать очевидное.

Старик обезоруживающе поднял руки и откинулся на спинку кресла, словно говоря, что он сделал все, что мог. Расфуфыренный продолжал наблюдать за этой сценой с интересом пересыщенного зрителя, а вот Суаре возбудился еще больше, и его улыбка мне совсем не понравилась.

– Это была большая ошибка, мальчишка! Я обещал, что ты пожалеешь о своей наглости, пришло время платить по счетам.

Он с какой-то манерной ленцой взял со столика, стоящего рядом с его креслом, колокольчик и позвонил. Открылась потайная дверь в правой стене, и в комнату вошли три крупных мужика, наряд которых был более присущ Серому городу, а не изысканной и дорогой моде жителей Белой Женевы. Двое сжимали в руках короткие дубинки, а третий поправлял на здоровенном кулаке шипастый кастет.

Блин, ну прямо цирк какой-то. Я прислушался к себе и почему-то не уловил никакого страха. И это, честно говоря, странно. Ситуация не самая однозначная: не то что со всеми тремя, даже с одним я вряд ли справлюсь без револьвера, который остался дома. Может, внутренне надеюсь на жесткие правила Белого города, о которых я тут же напомнил радостно ухмылявшемуся Суаре:

– Вы собираетесь напасть в общественном пространстве на полноправного гражданина Женева?

– Мы не в общественном пространстве, – ехидно ответил мне психованный коллега. – Этот кабинет является частной собственностью моего друга Готье. Его жилищем.

Если честно, ситуация отдавала каким-то водевильным душком. И все же мне не очень-то хотелось ради проверки серьезности намерений бандюганов получить по морде кастетом. Головорезы уже начали обходить заказчиков, расположившихся в креслах словно зрители, и приближались ко мне.

Ладно, перейдем к плану Б. Все еще оставаясь в сидячем положении и не особо напрягаясь, по крайней мере с виду, я аккуратно достал из рукава пиджака булавку жандармского свистка и поднял ее для всеобщего обозрения.

– Господа, – перешел я с французского на общий. – Перед тем как мы начнем, хочу спросить, знаете ли вы что это такое?

В первый раз компактные размеры потайного артефакта

совершенно меня не устраивали. Мало ли, вдруг у головорезов слабое зрение.

– Ты не рискнешь его сломать прямо здесь по такому пустяковому поводу, – прокуренным голосом прохрипел тот, что с кастетом. – Вряд ли потом получишь другой. Не дергайся. Мы тебе пару ребер ломаем, и все.

– А я все же рискну, – вернул я собеседнику наглую ухмылку. – Мне мои ребра нравятся целыми, к тому же они вам явно заплатили не только за ребра.

Бандиты нерешительно замерли, но тут возбудился Суаре:

– Что происходит?! Почему вы не отработываете свои деньги?

– Потому что ты меня обманул. – Владелец кастета решил перевести стрелки с жертвы на заказчика. – Не сказал, что он стукач жандармерии. Если сломает свисток, тут через пару минут будет толпа орков. Хотите, чтобы они раскурочили вам ваш размалеванный курятник?

– Но я же заплатил.

– Мало, – отрезал главарь бандитов.

– Добавлю! – не унимался Суаре, хотя хозяин галереи недовольно поморщился. А вот расфуфыренный продолжал с интересом смотреть на это представление.

– Не интересуется, – почти прорычал бандит и, бросив на пол звякнувший мешочек, махнул рукой своим подельникам.

Через десяток секунд мы снова остались вчетвером.

Выдержав небольшую паузу, я заговорил первым, решив, что этот балаган пора заканчивать:

– Ну что же, господа, раз уж мы расставили все акценты и разрешили все непонятные нюансы, думаю, пора прощаться. Единственное, я очень не люблю, когда меня пытаются обвинить в том, чего я не делал и даже не собирался. Поэтому на прощание, ради вселенской справедливости, выбью кое-кому пару зубов, и душа моя обретет равновесие.

Резко встав с кресла, я хрустнул пальцами и даже сделал шаг в направлении обладателя лошадиной морды, но тут все пошло совершенно не по плану, причем почти для всех присутствующих. Суаре тоже вскочил с кресла как ужаленный, но вместо того, чтобы наброситься на меня с кулаками или же сбежать, выхватил из кармана маленький револьвер и направил его в мою сторону.

Блин, что же мне так везет на придурков с пистолетами? Пару месяцев назад брат клиентки вот так же тыкал в меня стволом, правда при этом он вел себя более истерично. А вот коллега-оценщик хоть и был перевозбужден, но до истерики пока не дошел.

– Ни с места, иначе я выстрелю! – заорал француз, но, опять же, не переходя на визг.

Я отреагировал рефлекторно, даже особо не задумываясь: едва увидел ствол, тут же выхватил стикер и запустил силовое поле. Со стороны эта картинка наверняка выглядела впечатляющее, потому что маски слетели со всех. Спо-

койный владелец галереи побледнел, и, кажется, его начала бить нервная дрожь, а вот расфуфыренный внезапно растерял всю свою вальяжную ленцу. Его голос зазвенел от стальных ноток.

– Прекратили оба, – заговорил он с уверенностью хозяина положения. – Эмиль!

– Но я... – попытался возразить мой оппонент, причем как-то не очень уверенно.

Это было странно: расфуфыренный был как минимум вдвое младше того, кому сейчас приказывал.

– Эмиль, я не буду повторять дважды, – жестко добавил фронт, и весь такой из себя гордый и независимый месье Суаре тут же сдулся.

Опалив меня на прощание ненавидящим взглядом, он вышел из комнаты.

Я бузить не стал и, развеяв печать силового щита, спрятал стикер в чехол.

– Ну, я тоже пойду, – чуть дрогнувшим голосом заявил владелец кабинета и оперативно покинул помещение, оставив меня наедине с фронтом, который опять надел на себя лениво-валяжную маску:

– Месье Петров, извините за все это представление, но мне нужно было кое-что проверить.

– И что именно? – раздраженно спросил я.

– Давайте присядем и спокойно обсудим то, что я хочу вам предложить.

Имелось дикое желание нахамить, но улыбка моего собеседника разоружала, а его поведение на контрасте сделало бы любую мою агрессию просто проявлением психической неуравновешенности. Внутренне встряхнувшись, я с показным безразличием пожал плечами и вернулся в еще не успевшее остыть кресло.

– Месье Петров, прежде всего я хочу исправить допущенную бестактность и представиться. Меня зовут Майкл Пачини. Я хоть и не являюсь главой профсоюза, но имею определенный вес в кругу наших с вами коллег. Когда месье Суаре рассказал об одном очень строптивом новичке, я не обратил на это внимания, понимая, что рано или поздно вам все равно придется прийти к нам. Но дальнейшее показало, что все действительно не так просто, как кажется. Признаюсь, я хотел поддержать Эмиля в его агрессивном плане устроить вам тотальную блокаду, а также простимулировать ваши мысленные процессы парочкой избиений в темных подворотнях. Но в отличие от моего слишком уж импульсивного коллеги я все же навел кое-какие справки и понял, что запугивать вас не только бессмысленно, но и опрометчиво. А пару дней назад я осознал, что вы можете быть мне полезны.

– Непонятно только, как весь этот цирк может склонить меня к сотрудничеству с вами, – не удержался я от язвительного замечания.

– Весь этот, как вы выразились, цирк позволил мне оценить вашу стрессоустойчивость, а если мы все же договорим-

ся, подтвердит разумность и адекватность.

В принципе, то, что он сейчас говорил, звучало логично и, что самое главное, не вызывало у меня отторжения, особенно после общения с женеvскими бандосами, адекватность которых находилась где-то на уровне пресловутой обезьяны с гранатой. А еще импонировала его открытость и по крайней мере кажущаяся искренней прямота.

– Хорошо, тогда обсудим, что вы хотите от меня и что можете предложить взамен.

– Обсудим, – покладисто согласился Майкл. – Могу я предложить вам что-нибудь выпить или перекусить?

– Давайте не будем затягивать и сразу перейдем к делу. Мне не понравилось, чем закончились предыдущие переговоры, но как минимум порадовала их оперативность.

– Хорошо, тогда начну с того, что я могу предложить вам. Тут все очень просто: если наше сотрудничество окажется продуктивным, то вы получите лицензию оценщика, оформленную по всем правилам. Причем если не хотите, то в профсоюз можете не вступать.

– Мне казалось, что это обязательное условие, – удивился я, потому что изучал этот вопрос достаточно подробно.

– Я могу сделать его необязательным – конечно, если мы договоримся.

Приманка, скажу я вам, жирнющая. У меня из-за отсутствия лицензии и права выдавать легитимные экспертные заключения слетело несколько очень богатых клиентов, так

что предложение этого странного итальянца было очень соблазнительным. И именно поэтому оно сильно напоминало сыр в мышеловке.

– Ну и какие двенадцать подвигов Геракла я должен совершить для этого?

– Почему двенадцать? – фальшиво удивился Майкл. – Лицензию вы получите сразу же после того, как окажете мне первую услугу. За все остальные вы будете получать адекватную оплату.

– И эти услуги связаны с моим даром оценщика, а не с умением пользоваться револьвером и щитовиком? – на всякий случай уточнил я.

– Если честно, и с тем и с другим. Вы правильно заметили, что мы с моими коллегами слишком уж расслабились, почивая на мягких лаврах. Именно поэтому вы сумели отщипнуть себе часть рынка, но, поверьте, это всего лишь крохи. Существует достаточное количество очень богатых клиентов, которым нужна оценка, но ее проведение может быть связано с определенным риском. Именно поэтому я вмешался в вашу конфронтацию с Эмилом и организовал эту проверку. Еще раз извините, если подверг вас чрезмерному стрессу.

В голове тут же всплыли воспоминания о хватающем меня за ногу морлоке, а еще о гоблине-малефике; ну, и вишенкой на торте – жутковатого калейдоскопа теневой голем, пытающийся содрать с меня шкуру.

Да уж, вот это был стресс, а то, что устроил пугливый искусствовед, – так, возня в песочнице.

Судя по всему, внимательный итальянец сумел многое прочесть по моей невольной улыбке.

– Я так и думал, что не ошибся в вас, – удовлетворенно кивнул итальянец.

– Хорошо, давайте перейдем к тому, что именно я должен сделать, чтобы получить лицензию.

– Давайте, – согласился Майкл. – Дело в том, что я являюсь заядлым коллекционером. Как вы наверняка догадываетесь, моей страстью стало собирание произведений искусства, наполненных энергией творения до уровня проявления в них энергетических сущностей.

Меня тут же охватило нехорошее предчувствие, но Майкл опять верно прочитал мою реакцию.

– Успокойтесь, месье Петров, я не претендую на вашего ангела. И прекрасно понимаю ваши эмоции. Окажись такое чудо в моих руках, отнять его можно было бы только перешагнув через мой труп. Все намного проще и одновременно сложнее. У меня есть картина, которая почему-то очень нужна одному довольно опасному человеку. Он тоже является заядлым коллекционером, и в его собрании наверняка найдутся произведения, наполненные энергией творения высокой концентрации.

– И вы хотите, чтобы я поехал к этому опасному человеку и выбрал для вас в его горячо любимой коллекции что-

нибудь уникальное? А сами почему этого не сделаете? Как я понимаю, ваш дар вряд ли слабее моего.

Каюсь, я не хотел вкладывать в свои слова издевку, но все равно она прорвалась. Нужно отдать должное, Майкл хоть и нахмурился, но не стал язвить в ответ.

– Потому что с этим человеком у меня связана одна не очень приятная история. Оценивать свои экспонаты он позволит только у себя дома, и есть опасения, что оттуда я могу уже не выйти. Вы же человек со стороны, к тому же, как я понимаю, имеющий покровителя в жандармерии, так что вряд ли вам может что-то грозить.

– Понятно, – с легким чувством раскаянья кивнул я. – И с каким именно человеком мне придется иметь дело?

– Вы узнаете это позже, – мотнул головой Майкл. – Думаю, пока будет достаточно вашего предварительного согласия на наше дальнейшее сотрудничество. Итак, что скажете? Очень надеюсь, вы не попросите время на раздумья.

– Ну, если вы не хотите, чтобы я прямо сейчас что-нибудь подписывал кровью, то время подумать у меня еще будет. Предварительно все выглядит очень неплохо.

– Прекрасно, – растянул губы в улыбке итальянец, встал с кресла и протянул мне руку.

Я пожал ее и опять поставил небольшой минус напротив нескольких плюсов в оценке этого человека. Слишком уж манерным было его рукопожатие. Мелькнуло хулиганское желание пережать этого хиляка, но я быстро его отогнал.

Тут такие бабки намечаются, что пацанячие закидоны лучше оставить как минимум в стороне, а как максимум – далеко позади, в своем детдомовском прошлом.

Не знаю, что он там прочитал в моих глазах, но либо изначально не собирался, либо прямо сейчас передумал предлагать мне совместное застолье. Так что на этом мы попрощались, и хмурая хостес отвела меня обратно к лифту. Настроение было неплохое, поэтому потянуло на шалости.

– Был очень рад нашему знакомству, мадемуазель. – Изогнувшись в кажущемся мне изящным полупоклоне, я протянул ей руку.

Девушка явно смягчилась и без колебания предоставила свою ладошку для поцелуя. Странно, конечно, что меня так расколбасило на политесы. С другой стороны, обстановка галереи склоняла к этому: пространство вокруг было пересыщено энергией творения, несущей в себе отголоски именно таких легких, изящных и слегка манерных настроений.

Глава 2

После посещения галереи хотелось закончить вечер в приятной компании, но, увы, пришлось обломать себя. У Бисквита какие-то посиделки с семьей, а в квартале художников мне пока лучше не появляться. Не скажу, что мои потуги наладить с Заряной дружеские отношения потерпели крах, но время от времени между нами пробегала искра раздражения, выливавшаяся в небольшие скандалы. Три дня назад, когда мы с Бисквитом в очередной раз посетили посиделки в парке, рыжая почему-то набросилась с упреками на Птичку, с которой у меня завязались на удивление продолжительные, но в то же время достаточно легкие отношения. Нет, она не разбрасывалась ревнивыми упреками, просто раздула на пустом месте какой-то давний, пустяшный конфликт, но всем было все понятно. Чтобы не портить людям настроение, я решил какое-то время там не появляться.

Развлекаться в одиночку или со случайными знакомыми не хотелось, так что просто назвал таксисту домашний адрес. В крайнем случае почитаю что-нибудь или поиграю в «Титанов». Когда-то давно, лишь мечтая о жизни в Женеве, я думал, что, если мои желания сбудутся, жизнь превратится в постоянный праздник, наполненный волшебными вечеринками, карнавалами с колоритными модификантками и сплошную, не прекращающуюся ни на мгновение сказочную

оперетту. Реальность, конечно же, оказалась намного прозаичнее. Впрочем, я даже тогда понимал, что жизнь не бывает сплошным праздником и будни есть даже у тех, кто, так сказать, родился с золотой ложкой во рту.

Честно говоря, о том, что в моем доме сейчас царит безрадостная атмосфера, я вспомнил уже практически на пороге. Даже появилась трусливая мысль сбежать в какой-нибудь бар поблизости, но я отогнал ее и решительно открыл дверь. Там было пусто. Не сказать чтобы уныло, но необычайно тихо. И дело даже не в том, что Фа решила плюнуть на наши с ней странные отношения и, так сказать, пойти дальше, просто обычно, услышав звук открывающихся замков, Тик-так бежал встречать меня к двери. Но сейчас его в прихожей не было. Я даже забеспокоился. Неужели и этот рванул в неизвестные дали с непонятными целями? Теоретически такое невозможно, потому что у мышоура жесткая привязка ко мне. Привязка, которую он создал сам. Я к этому странному делу не стремился, и с моей стороны все получилось совершенно случайно. Озадаченный сложившейся ситуацией, я пошел искать малыша. Честно говоря, занятие практически безнадежное: когда Тик-так хотел спрятаться, найти его было практически невозможно. Вокруг по-прежнему царил идеальный порядок и чистота. В голове иногда ныла мысль насчет того, что появление у меня самого настоящего слуги как-то не демократично, но тот факт, что мне теперь не приходится убираться и даже мыть посуду, отодвигал идеи

социальной справедливости куда-то на задворки сознания. Что поделаешь, слаб человек, особенно если ему приходится бороться с собственной ленью.

Уже решив плюнуть на поиски и просто подождать какое-то время, пока мышоур сам не появится, я поднялся на второй этаж и услышал едва различимые звуки, которые прилетали сквозь приоткрытую дверь на чердак.

Теперь понятно, куда подевался этот мохнатый проказник.

Стараясь особо не шуметь, я аккуратно поднялся по лестнице и перешел в чердачную оранжерею. Тут после моего последнего посещения ничего не изменилось: все те же ряды стеллажей с наполненными землей лотками и горшками, в которых пустили корни растения из другого мира и несколько видов земных, дававших в магическом поле Женева особый урожай. Днем сюда сквозь стеклянную крышу свободно заглядывало солнце, подкармливая своим светом разноцветных питомцев моей соседки. В отличие от художественной галереи атмосфера в этом месте не была наполнена энергией творения, но все равно находиться здесь было приятно. Иногда, особенно ночами, после хмельных гулянок я выбирался сюда, чтобы посидеть на небольшой лавочке, которую оборудовала Вера Павловна. Непонятно правда, зачем она это сделала: я ни разу не видел, чтобы зельеварка присаживалась хоть на минутку. Вот и сейчас она не расхолаживалась, а явно занималась делом, параллельно что-то втолковывая мое-

му мелкому напарнику.

– Нет, срывать эти листья еще рано, – твердила женщина.

В ответ ей раздавался яростный писк мышоура.

– А я говорю рано. Еще как минимум неделя.

Тик-так не унимался и продолжал яростно пищать. Я как раз обогнул очередной стеллаж и увидел спорящую парочку. Со стороны все выглядело как общение героев фильма Звездные войны с P2-D2, ну, или с Чубакой. Я был абсолютно уверен, что Вера Павловна не знает мышоурского и вряд ли Тик-так без разрешения установил с ней контакт через мессенджер, но, скорее всего, эти ухищрения ей и не нужны – хватало каких-то интонаций и, возможно, жестов.

Выяснить, чем закончится этот спор, мне не удалось, потому что странная парочка заметила мое появление. Что удивительно, первой среагировала именно женщина, а не мышоур, который должен был по идее засечь мое появление еще при подъеме на чердачный уровень. Тик-так подпрыгнул как ужаленный, затем подбежал ко мне и весь сжался, втянув голову в плечи, словно я сейчас буду его бить.

– Только не надо разыгрывать из себя Золушку, комедиант-самоучка, – фыркнул я.

Мышоур тут же пискнул, услышав незнакомое слово, и черные бусинки его глаз загорелись интересом. Придется рассказывать сказку о Золушке. Я пару раз пытался подсунуть ему мультики или фильмы, но не прокатывало, тем более на низший эльфийский их почти не переводили, а дру-

ного языка мышоур не знал. Теперь сам жалею, что, когда малыш обживался в доме и тосковал по своим собратьям, дабы успокоить бедолагу, рассказал парочку сказок. Во теперь и мучаюсь. Хотя... Стоит попробовать спихнуть это дело на Веру Павловну. Если уж впахивает малыш на нее почти бесплатно, то пусть хоть как-то рассчитывается, чем-то еще, кроме кормежки.

– Не беспокойся, Захар, никто тебя в замашках рабовладельца не подозревает. Я уже привыкла к тому, что наш маленький друг любит разыгрывать из себя скромняшку, хотя на самом деле это не так.

Мышоур возмущенно пискнул и шмыгнул куда-то между стеллажей.

– Ну вот, – расстроено вздохнула зельеварка, – мы так и не успели обговорить сроки уборки листьев лиловых санти. Вдруг он прав и я передержу дорогое сырье?

Мессенджер в моем телефоне звякнул. Я прочитал сообщение и улыбнулся:

– Тик-так пищет, что срывать нужно прямо сейчас. Даже поставил три знака восклицания, а он знаки препинания почему-то не любит. Так что наверняка уверен на сто процентов. Если вы вообще доверяете его экспертизе, то лучше срывайте.

– Ну, тогда пойду займусь заготовкой. Или у тебя есть ко мне какое-то дело?

– Нет, я просто искал Тик-така. Он почему-то не стал

встречать меня в прихожей.

– И тебе это не понравилось? – почему-то строго уточнила зельеварка.

– Да мне, в принципе, плевать, – отмахнулся я от беспочвенных подозрений в деспотизме. – Вы же знаете, что для мужчин стабильность превыше всего. Если бы он не делал это постоянно – и вдруг сподобился, я бы тоже забеспокоился, не случилось ли чего.

– Ну, смотри у меня, – строго сдвинув брови, погрозила пальцем зельеварка. – Не обижай малыша, он сейчас, сиротинушка, очень чувствительный.

Внутри что-то взбрыкнуло, и захотелось сказать ей, что мои сложноподчиненные отношения с мышоуром ее не касаются, но как-то уже привык к немного навязчивой опеке этой женщины. Тем более что лишнего она себя не позволяла, да и не чувствовал я за ней попыток манипулировать мной слишком уж нагло. Так что не стал огрызаться, но кое-что все же высказал:

– Ага, а я, по-вашему, отпрыск большой и дружной семьи, поэтому не смогу понять, что чувствует ваш бедный сиротинушка.

Зельеварка прикрыла рот рукой:

– Прости, Назарушка. Я не хотела. Баба-дура и все такое.

Вгонять ее в глубины раскаянья не стал и, попрощавшись с кинувшейся спасать урожай зельеваркой, спустился на второй этаж. Кто бы сомневался, что мышоура я не увидел.

Уже давно прошли времена, когда Тик-так казался мне ранимым, забитым и вечно грустным. Нет, после исчезновения Фа он действительно затосковал, но обычно все его закосы под скромнягу были как минимум наполовину фальшивыми. Впрочем, он не наглед, был исполнительным и чистоплотным, а еще не путался под ногами, когда чувствовал, что у меня раздраженное настроение.

– Тик-так, хватит прятаться, я не злюсь.

А в ответ, как говорится, тишина, так что я применил каверзный прием:

– Ну как знаешь, а я хотел рассказать тебе сказку о Золушке.

Внизу что-то стукнуло, упало и загрохотало. Потом по лестнице зацокали коготки мышоура, который для увеличения скорости перешел на полный, четырехлаповый привод, и через пару секунд антропоморфная мышь в комбинезончике замерла рядом со мной в позе любопытного суслика.

Теперь уж точно не отверчусь, вон как глазки заблестели у мелкого любителя сказок. Чтобы всем было удобно, перебрались в кабинет. В отличие от делового пространства, которое я обустроил в прихожей, здесь все было обставлено в современном стиле – от стола с удобным офисным креслом до обоев и большого плазменного телевизора на стене. Тик-так привычно забрался на кушетку у стены и приготовился слушать с видом прилежного ученика.

– Ну что же, очень-очень давно в одной очень далекой

стране родилась девочка. Детство у нее было вполне себе нормальным. Родители жили душа в душу и любили свою малышку, но увы, однажды в их дом пришла беда...

История явно захватила мышоура с самого начала, хоть рассказчик я так себе, но тут мою речь прервала мелодия из телефона. На мордочке мышоура проявился приступ горького разочарования. Сочувственно разведя руками, я ответил на вызов:

– Ты, как всегда, вовремя, Зеленый.

– Ну и какой кайф я тебя опять обломал? – спросил орк, явно совсем не расстроенный своей бестактностью.

– Я тут сказку Тик-таку рассказывал.

– А мне ты сказки не рассказываешь, – обиженно, причем, как мне показалось, даже без притворства, проворчал орк.

– Ты ж не дитя малое. Вон морда не в каждое окно пролезет. Сказку ему подавай. Тебе что, в детстве мама сказок не рассказывала?

– Если захочешь, я тебе перескажу парочку из них, – продолжил ворчать мой зеленокожий друг. – Поверь, ночные кошмары гарантированы. Наши мамы еще те сказочницы. Ладно, поболтаем при встрече. Тут такое дело, не хочешь кое-куда прокатиться?

– Куда именно? – настороженно спросил я. – Тебя же вроде там на какое-то семейное торжество вызвали.

– Вот именно, но пару минут назад позвонил старейшина и приказал прихватить с собой одного хумана.

– А вот это прозвучало стремно, – постарался пошутить я, хотя какие уж тут шутки. – Помнится, кто-то мне говорил, что если я и попаду на ваши оркские гулянки, то только в виде блюда, да и то не основного.

– Это я так прикалывался. Никто тебя жрать не собирается.

– Даже не знаю, сейчас ты одно говоришь, а потом скажешь, что, мол, извини друг, но у нас закуска закончилась, так что не обессудь.

– Слушай, – недовольно заворчал орк, – у нас действительно мало времени. Сегодня клановый хурул, но в последний момент узнали, что на праздник придет вождь всего племени с ближниками. Вот он и захотел увидеть того, кто спас ясли с мелкотой. Тем более это считается достижением нашего клана.

– С чего бы? – еще более настороженно уточнил я.

– Ну, наши старейшины всем намекали, что ты согласился обезвреживать бомбу в основном потому, что я твой друг.

– И ты не стал их в этом разубеждать?

– В чем? В том, что ты мой друг? А это не так?

Мне показалось или я услышал в голосе орка растерянные и даже испуганные нотки? Впрочем, в том густом роко-те, который сопровождает речь любого представителя его расы, тонкие эмоциональные оттенки распознать очень трудно.

– Конечно же ты мой друг. Я имел в виду, что если бы не приказ Иваныча, то фиг бы я сунулся в ваш зверинец.

В трубке послышалось обиженное сопение, так что пришлось срочно исправляться:

– Ладно, не заморачивайся. Раз это нужно тебе и твоему клану, то поедем и поторгую перед вождем мордами. Ну, я-то лицом, а ты мордой.

– Грубый ты, а еще оценщиком зовешься.

– А вот сейчас ты с чего ты обиделся? Сам говорил, что в вашем языке нет деления понятий звериной морды и орочьего лица.

– У нас нет, а в общем и твоем родном очень даже есть, – тут же парировал орк. – Так, не морочь мне голову. Ты едешь или нет?

– Еду, конечно.

– Тогда быстро собирайся. Я через пару минут буду у твоего дома.

Бисквит прервал связь, а я посмотрел на совсем уж погрузневшего Тик-така. Быстро собраться и закончить толком не начавшийся рассказ все равно не получится. А если даже попробовать, то сказку придется комкать до предела. Впрочем, идея решения этой проблемы у меня уже мелькала, причем совсем недавно. Так что я быстро набрал номер Веры Павловны, которая ответила сразу после второго звонка.

– Ну и что тебе нейдет? – немного грубовато сказала явно чем-то занятая зельеварка.

Скорее всего, именно сбором тех листочков, название которых я забыл, как только услышал.

– У вас очень важное дело образовалось.

– Какое именно? – настороженно уточнила женщина, практически повторяя мои интонации в разговоре с орком.

Что вполне объяснимо: иногда я подбрасывал ей нестандартные задачи, порой находящиеся на грани законности. Такие, как тот случай с мышоурской наркотой.

– Нужно рассказать Тик-таку сказку о Золушке, – не стал я томить собеседницу.

– Ты это так шутишь? – разозлилась соседка.

– Ни в коем случае. Я начал рассказывать сам, и тут мне позвонили. Нужно срочно бежать, а парень настроился на сказку. Вон сидит, весь из себя обиженный. Вы можете?

Зельеварка пару минут молчала, явно переваривая ситуацию, а затем сработал женский инстинкт. Она вздохнула и сказала:

– Конечно помогу, расскажу ему любую сказку на выбор, тем более уходу за растениями это никак помешает, а, наоборот, создаст нужную атмосферу.

Вот эксплуататорша! С другой стороны, вон как завернула – значит, и сказку сможет нормально рассказать.

– Так, малыш, беги к Павловне. Она тебе и сказку расскажет, и чем-нибудь вкусным покормит.

Неблагодарный гаденыш даже не пискнул в ответ и тут же рванул в приоткрытую дверь. Ну и фиг с ним. Главное, что не бродит по дому, распространяя флюиды тоски и безнадёги. Судя по поведению мышоура, о выселении фейки он если не

забыл, то уже начал привыкать к новым реалиям.

Я же, вполне резонно предполагая, что орк звонил мне прямо из машины, начал быстро собираться. Благодаря стараниям Заряны мой гардероб уже давно был набит вещами, подходящими под любую задачу. В этот раз, я думаю, будут уместны рубаха и штаны из плотной ткани, сапоги практически до колен, плотная кожаная жилетка с элементами защиты, ну, и, дабы соответствовать орочей моде, да и погоде тоже, кожаный плащ. Без шляпы обойдемся – головные уборы я вообще не любил. Благо зимы в Женеве очень мягкие.

Вот в таком образе то ли английского путешественника начала двадцатого века, то ли стимпанковского персонажа я и покинул свой дом. То, что вырядился немного неуместно, понял не сразу. Орк прикатил на самом натуральном армейском хаммере, причем желтого цвета. Машины он менял как перчатки, поначалу я вполне закономерно подумал, что мой друг до безобразия богат, особенно видя, как его принимают в автомобильных салонах. Но потом открылась кое-какая неприглядная истина. После истории с похищением Женьки бедолага Бисквит долго мучился, а затем разразился покаянной речью насчет того, почему сам не предложил мне деньги для найма группы Йохана. Дело в том, что практически все заработанные средства контролировал его клан. Я мало что понял из его рассказа, но получить одновременно большую сумму в эльфийском серебре, причем настолько быстро, он попросту не мог. Так что мне пришлось обращаться

к Пахому. Если честно, в тот момент даже в голову не пришло просить деньги у Бисквита. Шансы на их возвращение были очень малы, как и на мое выживание. Впрочем, чего сейчас об этом переживать, раз уж все закончилось вполне благополучно.

Эти мысли немного задержали меня перед машиной, а когда я все-таки открыл дверь, то опять замер, впад в состоянии легкого шока. Орк, обычно рядившийся как внезапно разбогатевший рэпер из глухих трущоб, в этот раз нацепил на себя кожаную, расшитую жилами и бисером жилетку, а также набедренную повязку. И это все, что было на нем из одежды! Он явно хорошо рассмотрел меня через окно и поэтому сразу встретил своей острозубой улыбкой:

– Что, хотел влиться в общую среду? Забыл куда мы едем? Там не городские орки соберутся, а отпетые ретрограды.

– Повязку надевать не буду, – тут же ушел я в глухую оборону. – Щеголять голыми ляжками ты меня не заставишь.

– Да никто от тебя таких жертв не требует. Садись уже. Ты – гость, а гостям у нас послабление. Особенно тем, кто идет на закуску, – тупо пошутил орк и, загоготав, рванул джип с места, едва я успел забраться внутрь. Так что дверь захлопнулась не моими стараниями, а именно от рывка машины.

Блин, он словно озверина обожрался. Обычно Бисквит ведет себя намного адекватнее, но приготовление к встрече с родственниками что-то меняет в его черепной коробке. Скорее всего, это какая-то защитная реакция сознания, чтобы

подготовиться к встрече с первобытным хаосом и свести к минимуму полученные в процессе психологические травмы. Наверное, стоит подготовиться и мне, потому что в орочьем поселении я был только один раз, причем мельком, и нахватался впечатлений по самое не могу. А тут, судя по всему, предстоит полное погружение.

Я косился на орка, который лихо гнал машину по улицам Серой Женева, и неожиданно для себя подумал, что, по большому счету, знаю о нем не так уж много. Нет, о привычках, наклонностях и даже эротических предпочтениях, учитывая, что нынешних подружек он нашел не без моей помощи, мне было хорошо известно, а вот насчет семьи все как-то совсем уж невнятно. Учитывая, что мы сейчас едем именно на семейное посиделки, данный вопрос не мешало бы обсудить. И это даже не любопытство, а разумная предосторожность – мало ли, ляпну что-то не то, и у человека, точнее орка, потом проблемы будут. Оно мне надо?

– Слушай, ты по телефону упоминал сказки от мамы, а ведь я вообще ничего не знаю о твоих родителях. Нехорошо как-то.

– А зачем тебе что-то о них знать? – почему-то зло ответил орк.

Я, конечно, понимал, что у таких звероподобных ребят и отношения с родаками могут быть очень специфическими и непривычными даже для моих, сложившихся в детдоме представлений.

– Если не хочешь говорить, то и не надо. Я не собираюсь лезть тебе в душу.

– Да что уж там, – тяжело вздохнул орк. – А насчет моей мамыши – там все очень просто. Она продала меня шаману еще до беременности. Понесла от шамана, да еще и позволила ему творить со мной в ее утробе все, что заблагорассудится. Кормила, пока я не начал связно разговаривать. Даже сказки рассказывала. Напомни, чтобы я тебе одну такую пересказал на ночь и под пиво. Может, поймешь, почему я такой получился. Потом моя мамаша хапнула свои бабки и свалила в другое племя.

– Шаман хоть признал тебя своим сыном?

– Ага, одним из полудюжины. Трех из нас он в процессе обучения и уморил. Папашка по вашим меркам вообще красавец. Хорошо, что могильный дух задрал его семь лет назад. Мне меньше мороки. В итоге статус у меня в клане неоднозначный. Вроде вольный шаман, но при этом закуп, потому что воспитывался и учился за деньги клана. Я уже говорил тебе, что бабла зарабатываю кучу, но распоряжаться им практически не могу. Хорошо хоть, Иван Иванович из полной кабалы выкупил за какую-то услугу, но все равно еще два года придется отдавать им все заработанное. А вот за то, что мне необязательно жить в стойбище, я Секатору по гроб обязан. Сдох бы я там.

Ох, как все запущено!

– И что, вот прям все забирают? – спросил я, вновь под-

нимая тему нашего недавнего разговора, получившегося довольно скомканным и малоинформативным.

– Почему забирают? Сам отдаю. Клятва такая, – как о чем-то само собой разумеющемся сказал орк.

– А на что же ты живешь? Извини, но не похож ты на нищего.

– Тоже клятва. Секатор постарался, злобный гоблин, – с непонятными интонациями то ли похвалил, то ли вызверился на куратора мой зеленокожий друг. – Они обязаны покрывать мои долги купцам за то, что покупаю лично для себя. Вот и живу, так сказать, в кредит. Когда сильно накатывает, покупаю всякую хрень, как шопоголичка, а то и вообще беру напрокат дорогую тачку и расшибаю ее об дерево. За это меня в салонах и любят. Старейшины ругаются, грозятся глотку перегрызть, но платят. У нас с клятвами не шутят.

Да уж, при таких раскладах он действительно вряд ли мог подсобить мне с деньгами.

Нужно срочно менять тему.

– Бисквит, скажи, нужно ли мне что-то знать в плане поведения за столом. Ну, мало ли, вдруг у вас нельзя сморкаться в кружку соседу справа и вытирать жирные руки набедренной повязкой соседу слева, а мне очень захочется.

– Да можешь сморкаться куда хочешь. Правда, потом выпить это придется, но, если сильно хочется... – гулко рассмеялся орк и, кажется, немного оттаял. – Вообще-то, особых правил нет, а те, что есть, на тебя не распространяются. Ты –

гость, так что можешь делать все, что хочешь. Главное, когда соберешься пить или есть что-то непонятное, посмотри на меня. Мотну головой – лучше верни кусок на место.

– Там будет что-то совсем уж экзотическое? – спросил я, испытывая даже не опасения, а скорее любопытство.

– Ты даже не представляешь, – ощерился Бисквит. – Хочешь экстрима – жри все подряд, а потом я тебе расскажу, что именно попало в твой желудок.

Дальнейший путь прошел под легкий разговор и шутки.

Когда мы с Иванычем ехали в анклав гоблинов, то сначала проехали пригород с относительно невысокими домами, и контраст с заболоченными просторами получился не таким уж резким. А здесь мы выскочили из теснины многоэтажек старого центра Женевы на широкое, покрытое пепельной травой пространство. Мне оно поначалу показалась бескрайним, но, уверен, орки так не считают. Действительно, выделенные им жалкие двадцать квадратных километров наверняка вызывали у зеленокожих чувство сродни клаустрофобии. Как и гоблины, они обживались на этой территории с максимально возможным в таких условиях размахом: снесли все постройки и вырубали все деревья. Местами даже срыли холмы. Но все равно, глядя по сторонам, понимаешь, что это не степь – максимум долина. Впечатление портили горы, со всех сторон подпиравшие горизонт. Вымощенная брусчаткой дорога практически сразу сменилась грунтовкой, а затем вообще пришла в направление, едва угадывающееся на за-

росшем травой пространстве.

Теперь-то понятно, почему орк пересел на джип. Думая об оркском бытии в нашем мире, почему-то вспомнил, с какой ловкостью родичи Бисквита передвигались по специальным выступам внутри своего многоэтажного вигвама. Я тогда подумал, что они похожи на наших горилл не только внешне, но и по повадкам.

– Бисквит, а твои предки изначально жили в степи?

– Смотри, как тебя пробило на оркскую тему, – хмыкнул мой друг. – Раньше ты таких вопросов не задавал.

– Раньше не задавал, а сейчас задаю. Так как?

– Нет, конечно, наша раса зародилась в густых джунглях Он-та-назах – одного из пяти континентов Старого мира. Догадайся с одного раза, кому еще нравится жить в лесу?

– Эльфам?

– Бинго! – с какой-то смесью горечи и злости в голосе провозгласил орк. – Когда пару тысяч лет назад они приплыли на наш континент, большую часть моих предков вытеснили в степи. Ну, мы и обжились как могли. Привыкли. Так что даже теперь, в другом мире, предпочитаем видеть вокруг себя пусть и огрызок, но все же степи, а не лесные заросли.

Мой вопрос опять испортил Бисквиту настроение, и практически до самого стойбища его родного клана мы ехали молча. По пути миновали еще два поселения, но близко к ним подводить машину мой друг не стал. У второго за нами увязалась компания оркского молодняка. Бисквит добавил

газку, но гогочущие орки в набедренных повязках не отставали. Я почувствовал, что мой друг сейчас устроит довольно опасную гонку по не такой уж ровной поверхности, так что сказал:

– И что ты им хочешь доказать? Что машина все-таки быстрее орка? Так они и сами это знают. Уверен, хотя бы ты разогнался по максимуму и влетел в какую-нибудь колдобину. Честно, Зеленый, у меня нет ни малейшего желания идти дальше пешком.

Вполне разумные доводы подействовали на друга, и он снизил скорость, стойко выдерживая явно оскорбительные рычания, доносившиеся до нас снаружи. Молодняку такой расклад быстро надоел, и они отстали.

Так как собранные особым образом из срощенных костей и шкур многоэтажные вигвамы для меня уже не были в новинку, больше всего удивила целая импровизированная парковка, на которой стояли два десятка разномастных автомобилей. Похоже, не только Бисквит, воспользовавшись поводом моего появления на празднике, решил приехать на машине. Другие городские орки, тоже явившись к своим провинциальным родичам на колесах, наверняка проявили в глазах старейшин nepозволительную лень. Ведь от окраин города до этого стойбища максимум три километра – орку минут на десять-пятнадцать бега, да и то не на пределе.

Бисквит оставил машину рядом с остальными, и мы направились через стойбище к центральному, самому большо-

му вигваму. Точнее, он был самым широким, а не самым высоким, потому что на окраине возвышалось общежитие для молодняка. По заросшему все той же пепельной травой пространству бродило как минимум пара сотен местных жителей. Хотя, возможно, какая-то часть из них была такими же переодетыми горожанами, как и мой друг. В общем, в толпе я выделялся не только ростом, расой, но и одеждой. Это, конечно же, не могло не привлечь всеобщего внимания.

Любопытство орков со стороны выглядит довольно угрожающе. Так что я преимущественно старался смотреть вперед – на здание, к которому вел меня Бисквит. Если другие жилища орков были похожи на сильно увеличенные индейские вигвамы, то этот больше походил на цирковой шатер. Когда мы все же оказались внутри, я сумел оценить размах местного банкетного зала. Площадь не так уж меньше футбольного поля. Практически все пространство было застлано циновками, часть которых предназначалась для сиденья, а на других сновавшие туда-сюда орчанки выставляли массивные кувшины и глубокие керамические тазики с разнообразной снедью.

Подготовка к банкету шла полным ходом. В центре помещения размещался обширный помост высотой где-то мне по грудь. Бисквит двинулся прямо к нему и с текучей легкостью запрыгнул на возвышение. Мне же по причине отсутствия каких-либо ступенек пришлось немного покорячиться, под смех орчанок, которых наше появление отвлекло от серви-

ровки столов, точнее циновок. Когда забрались на помост, я смог рассмотреть, что там тоже приготовлено еще с три десятка посадочных мест. Они пока пустовали. На противоположной от входа части помоста имелось еще одно возвышение типа сцены, где восседали три старых орка. По их рассадке было видно, что они оставили рядом с собой еще как минимум два посадочных места.

Когда мы подошли к этой сцене, старики даже из положения сидя смотрели на нас сверху-вниз, причем не только на меня, но и на Бисквита. Сидящий по центру этой троицы старикан с сильно посеревшей, морщинистой шкурой грозно зыркнул на меня и что-то прорычал. Не сказать, что его речь была слишком длинной, но и вряд ли это были короткие слова приветствия. Из всей мешанины рыкающих и кашляющих звуков я сумел вычленить только слова «должен» и «приказ». Так уж получилось, что при изучении практически всех известных мне языков я начинал именно с тех слов, которые мне нравились меньше всего. Предчувствия вполне оправдались, когда Бисквит начал переводить:

– Старейшина хочет, чтобы ты сказал вождю, что пошел спасать молодняк по его личной просьбе, которую он передал через меня.

– Серьезно? – Я посмотрел на друга с показным удивлением. – А по-моему, он сказал, что я должен подтвердить, что исполнял его приказ.

Выдав свою версию перевода, я сделал акцент на двух

непонравившихся мне словах.

– Так он и сказал, – не стал особо стесняться из-за своей полуправды Бисквит.

– А варенье ему по всей морде размазать не надо? – На всякий случай по-русски, чтобы не нарываться, спросил я у своего друга.

– Не уверен, что нужно переводить именно это, – опасно покосившись на старейшин, с просительными нотками сказал Бисквит.

– Ладно, переведи ему, что я не посмею врать великому и могучему вождю орков Женевы.

Скорее всего, мой друг перевел все дословно, потому что я в своих словах никакой крамолы не видел, зато ее рассмотрел старейшина. Он нагнулся вперед, уперев кулаки в настил, и так зарычал на меня, что, казалось, еще пара секунд, и он кинется на явно сильно проигрывавшего ему в габаритах хумана. Старикан хоть и сдал с возрастом, но, чтобы разодрать меня на мелкие тряпочки, сил ему точно хватит. Вон как бугрятся мышцы под серо-зеленой кожей.

– Он недоволен, – клопочущим от напряжения голосом выдал мой друг.

При этом он чуть присел и выдвинулся вперед, явно собираясь защищать меня в случае атаки. Честно, я проникся, особенно зная, что храбрецом Бисквита не назовешь. Впрочем, была пару случаев, когда парень вел себя крайне отважно. И все же подставлять его не хотелось.

– Передай уважаемому старейшине, что я очень испугался. Почти обделался, но вождя всех орков я боюсь все-таки больше.

– Ты уверен? – тоже по-русски, со сквозящим в голосе удивлением переспросил Бисквит. – Публичное признание трусости сильно уронит тебя в глазах старейшин, да и всех остальных тоже.

– Но положение-то это спасет?

– Возможно.

– Тогда переводи. Мне важна репутация в глазах только одного орка, ну, может, двух, – вспомнив о Бенедиктусе, с явным намеком сказал я.

Бисквит тут же зарычал на старейшину, но только несведущему человеку это могло показаться неучтивостью. Старейшине слова моего друга хоть и не понравились, но явно заставили смириться с ситуацией. Старый орк окинул меня презрительным взглядом и махнул своей когтистой лапой в направлении выхода. Я сначала подумал, что нас тупо выгоняют, но Бисквит быстро прошел к свободному посадочному месту у края платформы, подальше от сцены со стариками, и предложил мне присесть рядом. То, что мы уселись не на полу огромного шатра, говорило о том, что я пал в глазах оркских старейшин пусть и низко, но все же не до уровня плинтуса.

Постепенно банкетный шатер начал заполняться орками, которые сбивались в группы по интересам. Выглядело это

довольно занимательно: орки передвигали посадочные и загруженные посудой циновки таким образом, чтобы создавались малые и большие круги. Не знаю, то ли из-за Бисквита, то ли из-за меня, но к нам никто так и не решился присоединиться. Поэтому мой друг просто расположился так, чтобы мы сидели лицом друг другу. Я посмотрел на свою персональную циновку-самобранку. Из угощений гостеприимные орчанки выделили мне две миски с большими кусками мяса, большую пиалу с чем-то густым и красным. Надеюсь, крови в составе соуса не было. Еще имелся кувшин литров на пять. Отсутствие пусть даже монструозного размера кружки намекало на то, что пить придется прямо из горла.

Голоса постепенно прибывающих орков соединялись в сплошной гул, так что обращаясь к Бисквиту мне пришлось повышать голос:

– Что из этого можно есть?

Мой друг был явно чем-то озадачен, поэтому к шуткам не расположен.

– Это всего лишь говядина, а соус из вашей местной брусники. Нам, конечно, могут принести что-нибудь экзотические, но в маленькой такой пиалочке. Точно не перепутаешь.

Ну, говядина так говядина, все равно жрать хочется. По поводу пошла в кувшине спрашивать ничего не стал, потому что вряд ли удастся отказаться от его потребления. Лучше уже оставаться в неведении. Мясо оказалось не таким уж плохим, но до уровня хотя бы фастфуда оно точно не дотя-

гивало.

Проникающий через верхнее отверстие, а также приподнятые пологи по периметру шатра солнечный свет постепенно становился все слабее. Орчанки внесли жаровни на треногах, и от пламени полыхавших в них дров стало светлее. Ненамного, конечно, к тому же атмосфера как-то сгустилась, и мне откровенно стало не по себе. Особенно когда старейшина на сцене что-то громко рыкнул и в помещении воцарилась оглушающая тишина. Только через десяток секунд выяснилось, что это не начало какого-нибудь жуткого ритуала, а просто подготовка к встрече вождя всех женевских орков. Ор Максимум появился в сопровождении десятка ближников, несущих ярко-горящие факелы. Не думаю, что это пламя естественного происхождения. Явно не обошлось без магии или каких-нибудь духов огня. Здоровенный орк стремительно прошагал от входа до помоста и взошел на него так, словно это была малюсенькая ступенька. Никто из собравшихся здесь зеленокожих не стал подниматься на ноги для приветствия высокопоставленного гостя, поэтому я тоже остался в позе турецкоподданного. Вождь прошел к сцене на помосте, шагнул на нее, но перед тем, как усесться рядом со старейшинами, оглушительно взревел, а затем разразился серией громогласных звуков. Речь вождя народ спокойно воспринимал где-то до половины, а затем начались громкие приветственные крики, и в конце вождя практически никто не слушал.

Прибывшие с предводителем ближники уселись прямо возле стены. Там для них было оставлено достаточно места. Вопли поддержки речи вождя немного утихли, но не прекратились полностью, и опять все перешло в уже ставший привычным гул.

Бисквит продолжал набивать брюхо, и это у него, скорее всего, нервное. Я же быстро наелся и даже хлебнул из кувшина. На удивление пойло оказалось не таким уж крепким и совсем не противным. Что-то кисло-яблочное и даже с медовыми оттенками. Разговаривать в таком гама было сложно, а смотреть вообще не на что, так что мне быстро стало скучно. Но продлилась эта скука недолго. Вдруг рядом с нами возникла громада орка. Он что-то рыкнул Бисквиту и тут же исчез. Причем так же неожиданно, как и появился.

– Вождь зовет к себе, – без особого энтузиазма сказал мне Бисквит и первым двинулся в направлении сцены.

Обстановка тут немного изменилась. В солнечном свете старейшины хоть и выглядели угрожающе, но без перебора, а вот в сумерках с привносившими угрюмый хаос всполохами живого огня все казалось каким-то потусторонним, да и орки приобрели в полутенях совсем другой вид. Самым жутким выглядел, конечно же, вождь, возвышающийся над старейшинами как минимум на одну голову. И рама там была такая, что впечатляла даже издали, а вблизи так вообще подавляла. Я уже думал, что сейчас бедному Бисквиту опять придется переводить, подбирая слова так, чтобы нас тут тупо

не сожрали, но услышал пусть и не очень чистую из-за рыка, но вполне понятную речь на общем. Особых политесов вождь разводить не стал и задал интересующий его вопрос, так сказать, в лоб:

– Если бы не приказ Секатора, ты бы пошел спасать наш молодняк?

– Если бы попросил мой друг, то не раздумывая.

– И тебе не было бы страшно? Старцы говорят, что ты трус.

– Было бы, конечно, – не стал я строить из себя героя. – У меня на родине есть поговорка: утверждающий, что ничего не боится, либо дурак, либо врун.

Не зная, что можно ожидать от этих зверюг, я на всякий случай добавил:

– Но все это, конечно, касается только людей.

Смягчающее дополнение не сработало. Не только сидевшие на сцене, но и расположившиеся поблизости от нее орки из свиты вождя угрожающие зарычали. Некоторые даже вскочили на ноги. А вот теперь стало по-настоящему страшно. Причем настолько, что даже не сработал привычный веселый пофигизм, возникающий в острых ситуациях. Это вам не от однокашников в детдоме отбиваться и даже не грызться с женовскими бандосами. Мой дар активировался как-то сам собой, и я почувствовал, что энергия разрушения затопила все вокруг. Такое ощущение, что нырнул в мутную, черную воду. Даже дышать стало трудно. Но каким бы громким ни

было рычание возмущенных орков, рев вождя перекрыл все с запасом. Явившиеся здоровяки мгновенно замолчали, подтверждая то, что авторитет альфа-самца в этих кругах вещь ультимативная. Тишина давила на уши практически так же сильно, как и рев разъяренных монстров. Я немного осмотрелся и понял, что Бисквит опять раскорячился для отражения атаки и прикрывал мне спину. Точнее, постарался сделать так, чтобы я за его спиной просто потерялся.

Посмотрев на вождя, я встретил понимающий, умный и слегка ироничный взгляд. Он немного помолчал, а затем произнес совершенно без ярости и даже с какой-то вальяжностью:

– Я всегда знал, что слишком большой ум мешает хуманам взрастить в себе настоящую благородную отвагу, но не учитывать то, что мы с вами совершенно разные, действительно станет лишь полный дурак. Хуман, не имеет значения, насколько ты боялся, заставляли тебя или нет, но ты спас наш молодняк. наших будущих наполненных отвагой и благородной яростью воинов. К тому же твой друг готов умереть за тебя, а это многое говорит о тебе самом.

Вождь резко поднялся на ноги, причем без раскочки, будто мгновенно увеличившись в росте. Затем он зарычал на весь шатер, выдавая еще одну речь. Это обращение к народу Бисквит мне все же перевел:

– Он говорит, чтобы все запомнили, хуман Рохур-хатар теперь друг всех орков Женева, и пока он не осквернит это

высокое звание позорным поступком, никто не смеет без повода вредить тебе.

– И что это дает мне? – не удержался я от вопроса.

Бисквит в ответ лишь шикнул:

– Потом объясню.

Как обычно, речь вождя закончилась громогласной поддержкой. Затем он посмотрел на меня и, не переходя на общий, добавил еще несколько рычащих звуков:

– Он приглашает тебя посмотреть на круг отважных, – перевел артефактор и вдруг запнулся, выслушивая еще пару обращенных уже к нему слов. Мой друг растерянно перевел взгляд на меня и сипло выдавил: – Меня приглашают в круг.

Похоже, эти хороводы значат для моего друга очень много, иначе зачем он связывался с Лорикет для внедрения дополнительных мышц в свое тело. Я бы себе ничего менять не стал, даже в отношении главного для мужика органа. Вообще-то я считаю, что главным является все-таки мозг, но тут уж против общего мнения не попрешь. В общем, восторгов орка я не разделял, так что принялся спокойно ждать, пока внутри шатра не расчистят место и не разожгут в центре импровизированной арены гигантский костер. А вот Бисквита практически трясло, и он даже вспотел, бедолага.

Наконец-то все приготовления были закончены. Два десятка орков, включая вождя и Бисквита, встали вокруг костра. Картинка, скажу я вам, на любителя. Потому что они снимали даже набедренные повязки. Очень надеюсь, что

ничего интимного в ходе этого хоровода не случится.

Как и обещал вождь, место мне досталось в первых рядах. За спиной подпирала толпа орков, но только подпирала, а не давила. Здоровяки вообще начали вести себя подчеркнуто вежливо, вот уж чего я от них никак не ожидал. Похоже, статус друга племени довольно полезное приобретение, впрочем, будущее покажет, как оно на самом деле. Участники хоровода стояли лицом к огню и не двигались. Это продолжалось до момента, когда послышался нарастающий рокот. Он был каким-то несуразным и неритмичным, но постепенно я ощутил, что мое сердце начинает биться в унисон с ударами тамтамов. По позвоночнику поползли приятные мурашки и даже как-то стало легче дышать. С плеч словно сбросили груз. Я так расслабился, что пропустил момент, когда орки, собравшиеся вокруг костра, начали притопывать, постепенно, бочком сдвигаясь по кругу. Затем они начали бить себя кулаками в грудь, добавляя понемногу еще и рыкающих выдохов. Все выглядело примитивно, но именно эта примитивность показалась мне очень глубокой, таящей в себе какую-то странную осмысленность, уходящую в глубину веков.

Я невольно активировал свой дар и ощутил приток даже не информации, а понятий, чувств и озарений. Движение по кругу танцующих орков ускорилось, и теперь они уже не просто притопывали, а пританцовывали. Рычание усилилось, сливаясь в общий ритм с тамтамами. Сливаясь с бием сердец всех присутствующих здесь разумных существ,

включая даже меня – простого хумана, совсем недавно получившего пока еще непонятное мне прозвище. Я влился в этот единый порыв – восторг понимания того, что рядом с тобой тот, кто не предаст. Нет, не друг, не брат – нечто большее, нечто связанное с долгом, честью и отвагой – понятиями, которые до этого казались мне напрочь фальшивыми. А ведь именно мы, люди, сделали их пустыми, ничего не значащими – просто словами, вылетающими из ртов политиков, инструментом манипуляции в попытках заставить ничего не понимающих разумных превращаться в стадо, идти куда-то в непонятную даль с непонятными целями. Но здесь все совсем иначе. Здесь важна общность не ради цели, а ради единения. Казавшиеся дикими и даже туповатыми орки понимают, что вождь не просто лидер, а один из них, первый среди равных, и он с радостью отдаст свою жизнь за любого из своих соратников. Он не станет прятаться за спинами, а встретит смерть в первых рядах.

Я и сам не заметил, как начал притоптывать и даже вскрикивать в унисон толпе. Танцоры стремительно двигались не только вокруг костра, но и вокруг своей оси, как листья, подхваченные торнадо в безумном хороводе.

Что сказать, это было одновременно ужасно и прекрасно; примитивно и утонченно; безумно и кристально понятно. Рокотавший сильно и мощно ритм тамтамов словно заставлял вздрагивать вселенную. И вдруг он оборвался. Тишина, воцарившаяся вокруг, стала словно черной дырой, в которую

утекали не только случайные звуки, но и мысли. В голове было пусто и светло, а на душе легко, и все в этой жизни словно встало на правильные места. Есть черное и есть белое. Есть друг и есть враг. Есть правда и есть ложь. Все остальное абсолютно не имеет смысла. Окружавшее меня орки и тяжело дышавшие танцоры постепенно начали приходить в себя, и мир возвращался из состояния кристальной ясности и четкого разделения понятий к житейской мути и фальши. В мои мысли снова проникали осторожность, недомолвки, корысть и какие-то подленькие мотивы. Я снова становился человеком.

Толпа вокруг меня забурлила, и началось казавшееся бессмысленным хаотическое движение, но, скорее всего, таким оно было только для меня, потому что каждый из орков знал, куда ему нужно идти. Причем в этой толпе меня никто не затоптал. Мало того, даже не толкнул! Казалось, что пока еще сохранились остатки единения, не позволявшие нам наткаться друг на друга. Правда, мне от этого легче не стало, я совсем не знал, куда идти. Хорошо, что Бисквит быстро нашел меня в этой толпе, а еще лучше было то, что он уже вернул на место свою набедренную повязку.

Раздутые ради танца мышцы, делавшие его фигуру практически в полтора раза шире, втянулись на свои места. Насколько я знал, у моего друга из-за подобных метаморфоз сейчас не самое лучшее самочувствие. Впрочем, по его просветленной, счастливой морде и не скажешь. Уверен, что ра-

ди пережитых моментов он готов и не на такое.

– Ну и как тебе? – заглядывая мне в глаза, словно пытаюсь увидеть там скрытый смысл, спросил мой зеленокожий друг.

– Честно? – Я на мгновение задумался. – Это было мощно.

– Я же говорил! – с каким-то детским восторгом рыкнул Бисквит. – А ты – «потанцульки», «потанцульки». Это нечто большее, чем пляски дикарей у костра, это...

– Да понял я, – прервал я разошедшегося друга. – Все ощутил и осознал. Не забывай, что я оценщик.

– Ну, это тебе не картины жирными пальцами лапать. – Участие в хороводе смыло все сомнения и опасения орка, и его опять потянуло на подколки.

– Жирными пальцами ты свои заготовки лапаешь, а у меня все профессионально.

Вот так, перешучиваясь, мы и вернулись на место. Теперь уже на правах полноценных участников банкета принялись утолять непонятно откуда взявшийся голод. Сидевшие неподалеку орки уже не чурались ни меня, ни Бисквита. Иногда они поворачивались к нам, с рыком приподнимая вверх свои кувшины. Мы отвечали им тем же и прикладывались к горлышкам тяжелых сосудов. Я как ни старался пить понемногу, но все равно накидался довольно неплохо. Правда, орчанки, временами менявшие Бисквиту опустевший кувшин на полный, когда понимали, что мне освежать ничего не надо, косились то ли с презрением, то ли с жалостью. Вполне ожидаемо финал вечера уплыл куда-то в туман, суля на утро

всяческие сюрпризы.

Глава 3

Вот сумели меня удивить орки, причем практически до шокового состояния. И дело даже не в шаманском хороводе, оказавшемся наполненным потаенным смыслом, а в той бормотухе, что была налита в кувшины. Я точно помню, что допил этот жбан до конца, и при всем при этом ни малейших следов похмелья. Даже сушняка не было. Чудеса, да и только!

Первые пару секунд после пробуждения я думал, что лежу в каком-то гамаке, который почему-то натянули рядом с жутко тарахтящим генератором. Когда сон окончательно покинул меня, все встало на свои места. Не было никакого гамака, а роль генератора исполнял храпящий Бисквит. На самом деле я спал прямо на полу жилой ячейки в многоэтажном вигваме. Раньше все это я видел только снаружи и не очень представлял, как устроены межэтажные перекрытия оркских жилищ. А все оказалось предельно просто: полы были устроены точно так же, как и стены. На срощенный из костей каркас мастера натянули шкуры, причем настил был сплошным только в центральной части помещения от середины до выхода. Я лежал у стены на участке пола, обрамленном костяными балками и прикрытом туго натянутой шкурой. Получалось довольно оригинально – тут тебе и пол, и постель.

Комната не такая уж большая, где-то около двадцати квад-

ратных метров. Мебели вокруг не было вообще, все вещи находились в эдаких больших авоськах, развешанных по стенам. Судя по тому, что эти самые авоськи были практически пустыми, мы, скорее всего, ночевали в гостевой комнате общежития для молодняка. Почему не в семейном гнездышке самого Бисквита, где проживает его жена, я у друга даже спрашивать не буду. Слишком уж нервно он реагирует на упоминание его супруги и всего, что с ней связано.

Все это, конечно, хорошо, удобно и даже комфортно, но организм требовал срочно избавиться от чрезмерного количества жидкости, так что не светит Бисквиту нормально выспаться. Я попытался растолкать его рукой, но не помогло, поэтому пару раз пнул ногой. А вот это подействовало: орк возмущенно хрюкнул и отмахнулся как от мухи. Учитывая размер его лапы и наличие острых когтей, мне пришлось отпрыгивать шустрым кузнечиком. Еще раз восхитился удобством жилья, когда потерял равновесие и упал на шкуры, как на батут.

Бисквит невнятно зарычал, и из этой мешанины грубых звуков я сумел выделить лишь слово «отстань».

– Ну как хочешь, тогда я отолюю прямо здесь, в уголке.

Не уверен, но, кажется, своим заявлением я зацепил какое-то табу. Орк мгновенно проснулся и даже вскочил на ноги:

– Не вздумай!

– Успокойся. Я и не собирался. Скажи, куда идти, и этот

вопрос мы решим без осквернения святости вашего вигвама.

Перед тем, как мы добрались до небольшого глиняного домика за пределами строения из кож и костей, пришлось исполнить целый акробатический этюд. Мне еще повезло, что основная часть орков до сих пор храпела, потому что спускался я со второго этажа с грацией беременной жабы.

После решения проблем наших организмов мы не стали возвращаться в вигвам, а сразу пошли к машине. Дел у нас тут по большому счету уже не осталось, так что пора и честь знать. Когда машина двинулась в обратный путь, я все же задал орку мучивший меня весь вечер и, кажется, даже во сне вопрос:

– Бисквит, если я ничего не путаю, вчера большой вождь выдал мне какую-то новую погремуху. Я толком не запомнил. Какой-то «Рыхлый хабар» или что-то типа этого.

– Рохур-хатар, – поправил меня орк и ехидно оскалился.

– Только не говори, что это что-то обидное, – тут же насторожился я.

– Ну, как сказать...

– Зеленый, не беси меня!

Честно говоря, я всполошился потому, что очень не хотелось занять прозвище сродни Тупому койоту или Злобному скунсу. Мне хватало и Психа. Оставалось надеяться на адекватность оркского вождя. Если бы прозвище выбирал Иваныч, то вышеперечисленные варианты показались бы мне до предела величественными.

– Рохур-хатар – это «хитрый рохур», – пояснил Бисквит.

– Чуть понятнее, но не полностью. Кто такой рохур? – не унимался я на радость ехидному орку.

– Небольшой зверек. Что-то наподобие вашего мангуста. Внешне не очень похож, но общее у них то, что практически оба умеют убивать ядовитых тварей. Зверек мелкий, наглый, хитрый, но, когда припечет, злобный и свирепый. Со всем как ты.

– Ну, не так уж и плохо, – постарался я успокоить самого себя.

– Ага, потом картинку покажу, тогда и решишь, плохо или не плохо, – все же не удержался от издевки орк.

Он явно собирался помучить меня до возвращения в город, но фиг тебе, золотая рыбка, а не мои страдания. Я достал телефон, зашел на особый сайт, допуск к которому орк же мне и выдал. Затем быстро нашел там картинку этого самого рохура. Ну, не красавец, конечно. До изящности мангуста далеко. Какой-то пятнистый с шерстью разной длины и оттого казавшийся облезлым. Но что самое главное, морда у этого зверька была ехидно-злобной. Уверен, если проговорюсь об этой новости Иванычу, он скажет, что мы с этим рохуром практически одно лицо, а великий вождь всех орков Женевы в подборе моего орочьего прозвища проявил необычайную мудрость и наблюдательность. Впрочем, могло быть и хуже.

Позывы организма и утренняя свежесть весенней степи, встретившая нас снаружи вигвама, взбодрили толком не вы-

спавшиеся организмы, но теперь, в теплом салоне джипа, глядя на мерно колышущееся от ветра травяное море, меня опять начало клонить в сон.

– Эй, не спать! – рыкнул на меня орк, и это тоже подействовало ободряюще. – Отвезу тебя домой, тогда и дрыхни сколько хочешь. А то ты своим сопением бесишь просто. Кстати, что ты делаешь сегодня вечером?

Я повернулся к орку и удивленно спросил:

– Хочешь пригласить меня на свидание?

– Ну вот что ты за дрянь такая? – явно не понял шутки орк. – Сам вечно тыкаешь мне в нос некоторыми традициями моего народа, при этом позволяешь себе такие вот туповато-пошлые шуточки. Просто предлагаю вечером сходить к нашим. Там вроде какой-то праздник намечается.

– У этого малахольного бомонда праздники через день. Я, конечно, не осуждаю, даже наоборот, но не уверен, что мне там будут рады.

– Опять твоя рыжая? – прищурившись спросил Бисквит. – Она, конечно, та еще стерва. Как у тебя на родине говорят? Собака на сене: сама не сожру и другому не позволю.

– Ну, там не все так просто.

– А что там может быть сложного? – не стал разводить политесы орк. – Вон с моими ласточками все просто и понятно. Нам весело втроем и хорошо, а станет не так хорошо, то просто разбежимся.

– Только не надо сравнивать. Будь ты человеком, поверь,

эти две потанцульки уже начали бы тебя делить, и скандалов было бы достаточно, а так что с тебя взять.

Я было подумал, что последняя фраза прозвучала обидно, но орк лишь рассмеялся:

– И это меня вполне устраивает. А тебе с твоей рыжей нужно разобраться и хорошенько вставить ей.

– Фу, Зеленый! Ну и кто из нас пошляк?

– Мозги ей нужно вставить на место, а не то, что ты подумал.

– У нас говорят вправить мозги.

– А разве вправляют не вывихнутые суставы? – тут же проявил орк интерес к пословицам, в которых он иногда плавал. И это притом, что прекрасно владел пятью земными языками.

– Ну, вывихнутые мозги точно не мой профиль. Ладно, посмотрим. Я выплусь и подумаю об этой ситуации. Сейчас у меня те самые мозги ни фига не варят. Кстати, что это у вас за компотик такой странный? И по голове бьет как кувалда, и похмелья практически нет. Он где-то продается? Я бы взял бочонок.

– В том-то и дело, что не продается, – с явным сожалением сказал мой зеленокожий друг. – Шаманы варят его исключительно по большим праздникам. У нас вообще не принято бухать без повода.

– То-то я вижу, что ты у нас весь такой правильный!

– Да я с рождения был неправильным, так что если ты

думаешь, что буду оправдываться, то фиг тебе.

Наша вялая перебранка продлилась практически до конца поездки, а затем я, попросившись и жутко зевая, после короткой борьбы с замками наконец-то оказался дома. В прихожей меня дисциплинировано встретил Тик-так и тут же начал что-то пищать. Телефон несколько раз тренькнул, но мне было лень разбираться, поэтому просто посмотрел на мышоура и спросил:

– Это что-то важное? Что-то, что нужно решать прямо сейчас?

Малыш посмотрел на меня и, явно оценив степень моей адекватности, отрицательно мотнул головой.

– Вот и чудненько. Выплюсь, а потом порешаем все твои проблемы.

Тут же в голове всплыла мысль, что зря я это сказал. Так уж повелось, что, когда кому-то что-то обещаю, все наверняка пойдет наперекосяк. Впрочем, даже переживать об этом мне было лень, так что лишь отмахнулся от неприятной мысли и направился спать.

В кои веки меня разбудил заряженный в телефоне будильник, а не чей-то заполошный звонок. Я даже спокойно встал, принял душ и успел пообедать. Но как только подумал заняться мучившими моего слугу вопросами, тут же ожил телефон. Рингтон был стандартным, значит, либо абонент неизвестный, либо я просто не успел дать ему музыкальную характеристику. Так-то номер не опознавался, но цифры по-

казались мне знакомыми.

– Здравствуйте, Назарий, – послышался вальяжный голос из динамика.

– Приветствую, Майкл.

– Надеюсь, вы можете сейчас говорить?

– Конечно, – ответил я.

Не объяснять же такому важному господину, что у меня намечается беседа с моим личным мышоуром.

– Скажите, Назарий, что вы делаете сегодня вечером?

Капец! Они что, сговорились?

Отвечать итальянцу так же, как и орку, я, конечно, не стал. Не поймет, в смысле шутку не поймет. Не дай бог, воспримет все серьезно. Так что я просто выложил расклад на вечер:

– Делами не занят. Собирался отдохнуть, но мне кажется, что вы все-таки созрели для дела, которое мы обсуждали.

– Да, вы правы. Я еще немного навел справки и решил, что именно вы справитесь с обменом. Поверьте, мне самому очень хотелось бы осмотреть коллекцию этого человека, но, откровенно говоря, немного опасаясь, а вы, судя по всему, мало того что достаточно отважны, так еще и немного вращаетесь в тех кругах. К тому же мой контрагент, кажется, ваш соотечественник. Думаю, это упростит переговоры.

Ох как интересно! Насчет смелости и отваги старейшины клана Бисквита с ним бы поспорили. А вот национальная принадлежность того, с кем собирается договариваться итальянец, наводит на определенные мысли.

– Вы уже договорились о месте и времени встречи?

– Нет, я решил сначала узнать, свободны ли вы, – пояснил Пачини.

– Да, я могу посвятить свой вечер этому делу.

– Хорошо, тогда я закончу переговоры и пришлю вам сообщение с местом и временем, где вас будут ждать люди контрагента. На всякий случай я все же повторю критерии отбора обменного экземпляра. Мне нужна энергетическая сущность, и чем сильнее, тем лучше. Думаю, вы понимаете, о чем я говорю.

– Да, понимаю. Что насчет моей лицензии? – все же не смог я удержаться от этого вопроса.

– Вы получите ее сразу же после успешного обмена. – Голос итальянца стал немного суше. – Если будут какие-то вопросы и уточнения, звоните. Я на связи до ночи. Сейчас есть какие-то вопросы?

– Нет, Майкл, пока мне все понятно.

– Отлично. До связи. – После этого он прервал разговор.

Не скажу, что меня покоробил его снисходительный тон, к тому же коллега явно пытался замаскировать фактически приказные установки вежливыми интонациями. Впрочем, это не имеет значения. Лицензия оценщика мне действительно нужна, поэтому нечего тут изображать из себя принцессу на горошине. Больше интересовал адрес, который окажется в сообщении.

На переговоры у Пачини ушло полтора часа. Я за это вре-

мя успел обсудить с Тик-таксом все волнующее его вопросы. Как обычно, суперважное дело у мышоура разрешилось простым заходом на сайт местной торговой площадки и заказом парочки деталей для починки труб в подвале. Дальше он справится сам, причем не только в плане ремонта, но и в получении заказа. Правда, для этого мышоур припашет соседку. Но не все же ей одной заниматься эксплуататорством. Мне тут же пришла в голову мысль научить мышоура пользоваться компом. У его старшего товарища Тик-туна все получается. Думаю, и этот справится. Разработать план того, как еще больше бытовых забот спихнуть на плечи разумного зверька, мне помешал звякнувший телефон. Я посмотрел на экран и улыбнулся:

– Как говорила Алиса, все чудесатее и чудесатее.

В сообщении был указан адрес Пахома.

Так, а теперь мне стало интересно, когда позвонит сам Пахом. В том, что он сделает это, причем лично, сомнений почему-то не было. Я даже засек время. Преступный авторитет позвонил через пять минут после сообщения от итальянца.

– Здравствуйте, Станислав Петрович, – первым поздоровался я.

– И вам не хворать, Назарий. – Рядящийся под ценителя искусства и интеллигента матерый уголовник решил сегодня не рассусоливать и сразу перешел к делу. – Что вы делаете сегодня вечером?

Это уже даже не сговор, а фатум какой-то. Конечно же, и

этому собеседнику отвечать в шутливой форме не стоило, но совсем по другим причинам. Поэтому ответ был предельно вежливым и взвешенным:

– Мне кажется, вы сейчас поведаете мне, как именно я проведу этот вечер.

– Даже если у вас намечены какие-то дела?

– Станислав Петрович, вы ведь знаете, что, если надо, я отложу любые дела.

– Назарий, – с легкой укоризной сказал Пахом, – мы уже обсуждали это. Мне не хотелось бы, чтобы вы именно так воспринимали мои просьбы. Я давно заметил, что страх порождает врагов.

– Станислав Петрович, это не страх, а искреннее уважение, – попытался я изобразить прогиб. И если честно, соврал всего лишь процентов на восемьдесят.

Точнее, я предпочел бы это назвать осторожностью и предусмотрительностью. Позорно бояться шпану в подворотне. Там не нужно раздумывать, там нужно драться, а испоганить себе жизнь необдуманном ответом человеку уровня Пахома было бы сущей глупостью. Это все равно что встать на рельсы перед паровозом, подбадривая себя словами, что я смелый, отважный и поэтому все будет хорошо.

– Ну, если уважение, тогда ладно, – с явно читаемой улыбкой в голосе ответил Пахом.

А еще я смог прочувствовать все то, что он недосказал. Не самое приятное ощущение.

– Думаю, хватит реверансов, – окончательно перешел к делу Пахом. – Сегодня мне могут понадобиться ваши профессиональные услуги для оценки картины. Вообще-то я получаю ее у одного из ваших коллег, причем маститого и имеющего право выдавать оценочный сертификат, но вы должны понимать, что в нашем мире сертификаты – это никому не нужная бумажка. Важнее доверие, а к этому человеку у меня нет его ни капли.

– Мне нужно будет подъехать к вам?

– Нет, – после паузы ответил Пахом. – Косарь заберет вас у вашего дома и отвезет в галерею. Потом мы, надеюсь, встретимся и обсудим мое новое приобретение.

Оно, конечно, нужно было бы признаться прямо сейчас, но почему-то во мне взбрыкнул недовольный слишком уж раздраженный собственным страхом авантюрист, и я просто сказал:

– Буду ждать звонка.

Если честно, мне все еще никак не удастся определиться с отношением к этому человеку. Он интересный собеседник, всегда ведет себя вежливо и корректно. Но блин! Одного взгляда его ледяных глаза хватало, чтобы по спине начинали бегать мурашки. И что самое важное, я ни разу не чувствовал от него выбросов энергии разрушения. Этот вежливый удав умел контролировать себя на феноменальном уровне, и, боюсь, если я когда-нибудь и уловлю черные эманации Пахома, то случится это за пару секунд до моей смерти. Так

что о недомолвках и задуманной интриге я пожалел уже через пару секунд после завершения разговора. Не скажу, что сидел как на иголках в ожидании разрешения неоднозначной ситуации, которую сам же по глупости и создал, но надоедливая мысль жужжала где-то на задворках сознания и не давала полностью расслабиться.

Невольно позавидуешь оркам, в башках которых нет места сомнениям, лишь отведены секторы для отваги, благородной ярости и всякой другой непонятной мне фигни. Да уж, Назарий Аристархович, зажирели вы, батенька, обросли богатством и вон даже слугу заимели. Вот и ушла удаль молодецкая, безбашенная.

– А вот фиг вам, – ворчливо ответил ее своему внутреннему скептику, почему-то заговорившему в старинной манере. – Если бы ушла, сидел бы я здесь, как мой предшественник, и перепродавал бы всякий мусор.

Чтобы не киснуть дома, терзая себе сомнениями, я уточнил у мышоура, не нужно ли ему что-нибудь, и выбрался наружу. Люблю весну, тем более женевскую. Здесь она мягкая и не раздражает резкими перепадами температуры. Ветки на деревьях покрылись листочками, в воздухе уже царит какой-то тонкий аромат, определить который обонянием не совсем получается. Просто душой чувствуешь, что пришла весна и все вокруг не то чтобы оживает – Женева никогда не засыпает, – но активизируется каким-то особенным образом. Все женевцы живут в предвкушении эльфийского праздника

весны, который отмечают всем городом. Прошлый весенний карнавал я пропустил, не хотелось бы прошляпить и этот, а с моим умением влипнуть в разные неприятности лопухнуться проще простого. Может, прав Иваныч и я действительно сам ищу проблемы на свою голову? Вот как сейчас, с этой интригой в стиле «Фигаро тут, Фигаро там». Если итальянец еще и сможет оценить пикантность ситуации, то Пахом вряд ли обрадуется.

Погода, лучистое солнце, а также посещение кафешки на набережной окончательно развеяли мои мрачные мысли, и время до посещения дома Пахома пролетело незаметно. Даже пришлось поторопиться, чтобы вернуться домой за своим саквояжем с инструментами. Он уже давно перестал быть реквизитом для создания таинственного образа странноватого искусствоведа. Мне все чаще приходилось не только подтверждать подлинность произведения искусства, но и оценивать их стоимость, а тут мой дар помогал лишь отчасти. Приходилось использовать специальные осветительные приборы и увеличительные стекла, дабы не пропустить фатальные повреждения, способные сильно уронить цену товара.

Вызванное такси доставило меня к окраине квартала за три минуты до назначенного срока, как раз было время дойти до нужного дома пешком. Преступный авторитет обжился здесь основательно, и чужие машины в мини-квартал заехать попросту не могли. Нет, никаких шлагбаумов через улицу

никто выставлять не стал, но все знали, что для собственной безопасности нужно либо объезжать по кругу, либо пешочком. Да и то не факт, что такого пешехода не остановит относительно вежливый дядька с синими партаками на пальцах и не спросит: какого хрена ты здесь забыл, мусью? Торговых центров тут нет, и достопримечательностей тоже. А вот мое появление сидящий на лавочке и, кажется, даже прикорнувший под ласковым вечерним солнышком охранник отметил лишь ленивым кивком. Я кивнул в ответ и спокойно пошел дальше.

Конечно же, мое появление было отмечено не только одиноким охранником: Косарь уже стоял на пороге.

– Ты чего приперся? – почему-то угрюмо встретил меня подручный Пахома, хотя, если ничего не путаю, за последнее время я не наступал ему ни на какие мозоли и, как говорится, не делал ничего предосудительного в борщ. Впрочем, удивляться нечему. Сам виноват. Мне же сказали сидеть дома и ждать, а я, как выразился мой бандитствующий знакомец, приперся.

– Меня ждет Пахом.

– Пахом ждет оценщика от заказчика.

В ответ я раскинул руки жестом циркового конферансье и улыбнулся. Признаюсь, улыбка получилась кривоватой. Сания дураком никогда не был, хоть и часто прикидывался, поэтому быстро просчитал ситуацию и вернул мне такую же кривую улыбку. К тому же еще и крайне зловещую:

– Ты реально Псих. Когда-нибудь твои тупые приколы вылезут тебе боком. Честно, завязывай, не хочу вывозить тебя в Черный город и прикапывать где-нибудь под кучей битого кирпича.

Подробности говорили о том, что это явно обычная практика.

– Ну должны же у меня быть хоть какие-то недостатки, – попытался я как-то отшутиться, но бандос лишь сокрушенно покачал головой и, открыв двери, махнул рукой, чтобы я следовал за ним.

В этот раз мы прошли в кабинет авторитета, в отличие от столовой и гостиной, находившийся на подземном уровне. Так что зря Майкл сокрушался по поводу упущенного шанса посмотреть на коллекцию Пахома. Никто его туда пускать не собирался. А мне это вообще без надобности, я и так знал там все экспонаты, потому что в буквальном смысле ощупал каждый своими руками, а некоторые и обнюхал.

Косарь впустил меня в кабинет, а сам предпочел остаться снаружи. Я предстал перед грозными глазами Станислава Петровича и с ходу постарался соорудить покаянную морду нашкодившего кота. Пахом понял все сразу, не нуждаясь ни в каких подсказках.

– Похоже, прозвище Псих уже не актуально. Вам больше подходит Труффальдино. Вы явно не подумали, что мне может не понравиться получать информацию по важным делам с опозданием.

Бывший искусствовед был прав, Фигаро здесь не очень подходит, но сравнение со слугой двух господ мне не нравилось. И это недовольство как-то пригасило терзавшие меня опасения, едва не перевалившие за грань липкого страха.

– Полностью с вами согласен, – искренне, но уже без заискиваний согласился я. – Каюсь, не удержался. Порой меня заносит, так что старое прозвище все еще актуально.

Авторитет еще несколько секунд сверлил меня холодным взглядом, а затем позволил себе легкую улыбку:

– Бывает, сам в молодости чудил.

Вот уж не сомневаюсь, но даже знать не хочу, что именно он там творил в своей молодости. Ну, в той ее части, которая началась после того, как работавший экскурсоводом юноша зарубил музейной саблей двух грабителей и перешел, так сказать, на темную сторону бытия.

– Впрочем, такой расклад упрощает нам дело, – добавил Пахом, полностью закрывая возникшую ситуацию.

– Возможно, – уклончиво ответил я и, воспользовавшись приглашением хозяина кабинета, присел на гостевой стул.

Оказавшись близко к столу, я заметил рядом с подставкой для ручек японскую нэцкэ в виде рыбака с большой рыбой. Пахом проследил за моим взглядом и еще раз улыбнулся:

– Вы уверены, что не хотите доплаты? Вещь стоит намного дороже вашего долга.

– Нет, Станислав Петрович, легко пришло – легко и, можно сказать, с удовольствием ушло.

– Правильный подход к жизни, – удовлетворенно кивнул Пахом, явно опять проводивший какую-то проверку. – Тогда вернемся к делу. Мою коллекцию вы знаете довольно неплохо. Что предлагаете отдать Пачини?

– Честно говоря, не знаю. У вас есть две вещи с энергетическими сущностями, но слабенькие. Если итальянец ценит свой обменный товар слишком высоко, то может и не согласиться. К тому же мне помнится, что к этим экспонатам своей коллекции вы относитесь по-особому и вряд ли захотите отдавать.

– Все верно, – прищурился, ответил Пахом.

– Тогда напрашивается вопрос, нет ли у вас чего-то, что я еще не оценивал?

– И ответ на этот вопрос утвердительный, – все еще изучая меня сквозь щелки глаз и словно подначивая, произнес авторитет.

И тут мы начали играть в гляделки, потому что, когда информация будет доверена словам, обратного пути может и не остаться – ни для него, ни для меня. Напрасно я опасался влипнуть из-за туповатого прикола, проблемы ждали меня изначально. Все дело в том, что либо товар, на который намекает Пахом, появился совсем недавно, либо был у него и раньше, просто мне его не показывали. Еще на заре наших отношений я сразу предупредил, что если обнаружу произведение искусства, получившее магические свойства, способные навредить окружающим, то стукану Секатору, а

тому плевать на все авторитеты. Он перетряхнет этот дом от крыши до самого глубокого подвала, но опасный предмет изымет. Вот мы и сидим, пялясь друг на друга. Один беспокоится, что предложенная для обмена вещь попадет в ряд табуированных, а я тупо не хочу оказаться перед очень непростым выбором.

Шанса выиграть в эти стремные гляделки у меня не было никакого. К счастью, Пахом принял решение раньше, чем я отвел взгляд.

– Назарий, надеюсь, вы проявите благоразумие. Эта картина мне очень нужна, а другого варианта обмена у меня нет. Разве что мы договоримся и кинем итальянца.

– Сразу вынужден отказаться. Потеря моей репутации не нужна никому, и вам в том числе.

Пахом в ответ лишь кивнул, взял со стола телефон и набрал номер.

– Косарь, принеси сюда куклу. – Услышанный ответ хозяину кабинета явно не понравился. – Сам принеси. Еще раз такое услышу, отправлю тебя либо к психиатру, либо смотрящим в подземелья человеканика.

Я уверен, что был еще и третий вариант, но преступный авторитет явно не хотел его озвучивать в моем присутствии, а уж как мне не хотелось все этого слышать, не передашь никакими словами.

Косарь появился через пару минут, злой на весь мир и почему-то больше всего на меня. В руках он нес практически

стандартный защитный бокс, который используют для транспортировки ценных статуэток. Я лишь отметил усиленные защитные руны на его поверхности. Подпитал свой дар Живой силой, но почему-то не ощутил исходящей от бокса энергии творения, что уж говорить об опознании находящейся внутри энергетической сущности. Либо защита была высокого уровня, либо сущность не так уж сильна. Тогда непонятно, почему расстроился Косарь. Содержимое никак не могло ему навредить. Скорее всего, он ведет себя так, потому что познакомился с вышеупомянутой куклой без защиты и теперь воспоминания искажают восприятие реальности.

Косарь со злым стуком поставил бокс на стол, причем на самый край, чтобы было ближе ко мне. Я на это лишь пожал плечами, встал и вопросительно посмотрел на Пахома. Тот молча, жестом руки разрешил мне действовать. Замков на боксе не было, лишь защелки, поэтому я спокойно их открыл. Механика бокса сработала штатно, и стенки разошлись как лепестки цветка. Внутри действительно была кукла. Сидящую в ней энергетическую сущность я почувствовал, как только открылись защелки. И похоже, не я один. Косарь завозился за моей спиной, явно отступая поближе к двери. Что касается Пахома, то он вел себя спокойно, лишь немного нахмурился. Железная воля у мужика, а вот меня начало немного потряхивать; впрочем, продлилось это недолго. Каким бы пугающим ни была сущность внутри куклы, после оценки и осознания ее природы воздействие на

меня наверняка уменьшится. Как говорится, известное зло теряет большую часть своей силы.

Даже тому, кто просто внимательно смотрел фильмы ужасов, несмотря на всю их крайне сомнительную адекватность, понятно, что основная причина гибели жертв – это их собственный страх, сделавший бедолаг легкой и неуклюжей целью. А со своими страхами, особенно теми, чьи корни уходят в раннее детство, бороться очень сложно даже волевым людям. Вон как перекосило Косаря. Что интересно, при всей его внешней агрессии я не чувствую никаких эманация энергии разрушения. То же самое было у Йохана: он выплескивал темную энергию по поводу и без оного, но суеверный страх делал универсальную машину для убийств испуганным мальчишкой. Даже жизнь в городе, под завязку наполненном магией, почему-то не развеивает мистические заблуждения.

Мне в первом момент тоже было как-то стремновато, но немного по другой причине. В детдоме игрушки были примитивными и фантазию своими странностями не подпитывали. Когда я увидел, как именно выглядит кукла, даже немного расслабился, чем удивил внимательного к любой мелочи Пахома и даже сидящую в кукле сущность. А обрадовал меня тот факт, что внутри бокса оказалась не дело рук моего старого знакомца Кукольника, а нечто более изящное и возрастом постарше. Это явно работа начала прошлого века, когда еще пластика толком не было и в основном рабо-

тали по кости и фарфору. В принципе, стандартная кукла тех времен. Платице в рюшках и кружевах. Пухленькое личико с круглыми румянами. И к этому стандартный набор из губок бантиком и голубых, чуть выцветших со временем глазок пуговками. Кукла куклой: фарфоровый, бездушный и безэмоциональный истуканчик.

А вот сущность внутри хоть и не была полностью разумной, но кое-какие эмоции испытывать умела, а еще она умела эти самые эмоции наводить на других, особенно страх – ее главное оружие. Он волнами распространялся по комнате. Поняв, что я ее почти не боюсь, сущность усилила давление. Косарь за моей спиной шумно сглотнул.

А вот не фиг засматриваться голливудскими ужастиками! Лучше бы смотрел романтические комедии. Мне же с каждой секундой становилось легче. Максимальный пик испытываемого страха накатил, когда я по старой привычке лапять все подряд попытался прикоснуться к кукле: тогда сущность выдала мощный выброс, и вполне себе миленькая фарфоровая мордашка показалось мне крайне зловещей, но все потуги уходили, так сказать, по касательной. Самое главное, что я не чувствовал в ней ни крохи энергии разрушения, а еще через пару секунд понял, в чем тут дело. Мне уже давно не нужно прикасаться к произведению искусства, для того чтобы провести осознание сути и оценку. То количество энергии творения, которое вложил в эту куклу ее создатель, приближало ее практически к уровню шедевра, хотя по виду

и не скажешь.

Я уже понял, что наведение страха не является заложным создателем куклы стремлением навредить окружающим, а всего лишь защитный рефлекс. Фарфоровый носитель энергетической сущности – очень хрупкая вещь, а если сломать хоть что-то, сущность развеется, поэтому она прикладывала все силы для того, чтобы не допустить физического контакта. Оружием защиты стали чужие детские страхи. Честно говоря, даже не знаю, как люди Пахома умудрились ее поместить в этот бокс. А может, прямо так и купили.

Сочувствие к бедняжке свело на нет все ее потуги запугать меня. Я очень аккуратно, мысленно уверяя, что ничем не наврежу ей, взял куклу в руки. Косарь за моей спиной скрипнул зубами, причем так громко, что я его услышал. Этот звук заставил меня повернуться и с недоумением посмотреть на бледное лицо старого знакомого.

– Да ладно, Саня, я понимаю, что у тебя в детстве были другие игрушки, но бояться кукол – это...

Несмотря на то, что я прекрасно понимал природу происходящего и то, что даже сильные люди порой не в состоянии противостоять подобным страхам, задавить в себе стремление подколоть бандоса не удалось. Если честно, скорее всего, вспомнилось, как Витька Гром, своей уверенной наглостью чем-то похожий на Косаря, запер в старом чулане моего кореша Женьку, а по детдомовским легендам место это было ой какое непростое. Бедолага Соловей потом пару дней

заикался.

Но все равно и эти воспоминания совсем не повод так себя вести. Скорее всего, Иваныч прав: сидит во мне какой-то бес нездорового, черного как гуталин юмора. В общем, не получилось у меня удержаться от вроде бы рефлекторного движения, с которым я протянул куклу Косарю: мол, ты посмотри поближе, какая она хорошенькая.

Для бандоса это было уже чересчур, и все же, нужно отдать должное, револьвер он не выхватил и не ткнул им в мою физиономию, а всего лишь ухватился за рукоять, но было видно, как сильно ему хочется пальнуть прямо от бедра. От внимательного взгляда Пахома этот жест, конечно же, не укрылся.

– Косарь, выйди отсюда.

– Шеф, вы же видите, что он больной на всю голову. Его нужно пристрелить, пока мы с ним не вляпались в какой-нибудь демонический блудняк.

– Косарь, я кому сказал!

Саня ожег меня злобным взглядом и вышел за дверь. Я бы напрягся по этому поводу, но это не первая наша перепалка и он со временем отойдет. Зато мой образ психа, которого лучше лишний раз не трогать, утвердится еще больше. Правда, в дельнейшем все же стоит быть аккуратнее, потому что слова Косаря насчет того, что меня нужно пристрелить, звоночек, скажу я вам, нехороший.

– Назар, это уже третья нехорошая шутка за последний

час. По-моему, перебор.

– Абсолютно с вами согласен, Станислав Петрович, но я могу все объяснить.

– Хотелось бы послушать, – сузив глаза, заявил преступный авторитет. – Как я понял, прямо сейчас звать своего куратора вы не будете и кукла не попадает под статус запретных и опасных.

– Нет в ней никакой опасности, – подтвердил я вывод Пахома. – Она наводит страх исключительно для собственной защиты. Использует развившиеся еще в детстве мистические фантазии, так что можно однозначно заявить, что Александр, без сомнения, творческая личность.

– Знали бы вы, насколько эта личность творческая, то так бы не улыбались, – хмыкнул на мое заявление преступный авторитет. – А что насчет вашего не совсем рассудительного поведения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.